

Светлана
АЛЕШИНА

Они написали
УБИЙСТВО

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Светлана Алешина
Они написали
убийство (сборник)
Серия «Новая русская»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5961732

Алешина С. В. Они написали убийство. Жажда острых ощущений:

Повести.: Эксмо-Пресс; Москва; 2000

ISBN 5-04-005610-9

Аннотация

Зверски убита жена молодого поэта Василия Державина... «Новая русская» Лариса Котова решила найти убийцу из симпатии к Василию, с которым недавно познакомилась на писательском вечере. Незадолго до произошедшей трагедии он получил несколько писем с угрозами в адрес своей жены. Проанализировав текст писем, оба – и Державин, и Лариса – считают, что это дело рук какой-то сумасшедшей его поклонницы. Лариса с присущей ей энергией начинает искать убийцу, подписавшую письма – «Ночная кобра»...

Содержание

Они написали убийство	4
Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	39
Глава 3	56
Глава 4	71
Глава 5	85
Глава 6	108
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Светлана Алешина

Они написали убийство (сборник)

Они написали убийство

Пролог

Чернышов открыл дверь своей квартиры, разулся на пороге и прошел в комнату. Он сразу же повалился на диван и с облегчением подумал, что ему уже не придется никуда сегодня выходить.

У него жутко болела голова, да и вообще настроение было паршивым.

«Все они, – решил он. – Эти продажные твари».

Столь нелестным эпитетом он наградил представителей санэпиднадзора, которые в последнее время стали уделять его трем коммерческим ларькам, коих он был непосредственным владельцем, слишком пристальное внимание. Конечно, можно было это внимание и погасить. Сделать это было нетрудно – просто чуть больше дать. Но Чернышову этого делать не хотелось. Потому что, если всем чуть больше да-

вать, самому ничего не останется.

Придя к таким невеселым выводам, Чернышов нахмурился, тяжело поднялся с дивана и прошел в кухню, где в холодильнике стояли две бутылки пива. Откупорив одну из них, он вернулся в комнату и снова возлег на диван. Надо сказать, что холодное пиво всегда действовало на него положительно. Так произошло и на этот раз.

После того как он поглотил полбутылки пива, его мысли перескочили на другую, не менее важную составляющую жизни. А именно – на женщин.

У Чернышова в принципе их было достаточно. Но ему всегда казалось, что связываются они с ним исключительно из-за денег. Это его в глубине души задевало, хотелось чего-то большего. И как ему вначале показалось, он нашел это самое «большее» в своей последней подруге.

Но нет же, выяснилось, что и она в первую очередь преследует корыстные интересы. На днях он имел возможность в этом убедиться, когда случайно увидел, как она, расхаживая в подаренном им наряде, обнимает какого-то плохо одетого молодого человека. Чернышова настолько это обозлило, что он не поленился приблизиться и даже поздороваться. Она тут же убрала руки от своего кавалера и изобразила, что связывает их друг с другом исключительно интерес к только что завершившемуся ретроспективному показу фильмов Феллини в соседнем кинотеатре.

«И чего бабам надо? – размышлял он. – Этой-то чего не

хватает, ведь из помойки же, можно сказать, ее вытащил. Поганка неблагодарная!»

Чернышов включил телевизор и без особого интереса стал смотреть на экран. Шел какой-то фильм, парочка выясняла отношения, причем девушка говорила очень резко и раздраженно. Чернышов поморщился.

Парень на экране пытался что-то сказать в свое оправдание, но девушка постоянно перебивала его, переходя на крик. Вдруг мужчина не выдержал и, подняв руку, хлестко ударил ее по лицу. Та ахнула и схватилась за щеку.

«Так тебе и надо! – злорадно подумал Чернышов, прихлебывая пиво. – И мне свою тоже не мешало бы побить...»

В этот момент раздался звонок в дверь.

«Твою мать, кого еще несет! – выругался про себя он, идя к двери. – Может, не открывать?»

Эта здравая мысль, пришедшая в голову Дмитрию, однако, не нашла реализации, и если бы он знал, что его ждет дальше, то никогда бы не открыл.

«А вдруг это она?» – пронеслось у него в голове, и он даже не осознал, рад был бы этому или нет.

За дверью, слегка покачиваясь, стоял человек, которого Чернышов хотел бы видеть менее всего. И уж совсем не ожидал увидеть его на пороге своей квартиры. Это был тот самый юнец, любитель итальянского кино, с которым его пассия обнималась на днях в университетском парке.

– Тебе чего? – грубо спросил Дмитрий, меряя пришедше-

го мрачным взглядом.

– Поговорить надо, – нетвердым голосом сказал тот.

– О чем?

Парень не ответил, а, оттолкнув Чернышова плечом, прошел в комнату. Чертыхнувшись, Дмитрий прошел за ним.

– Ну? – вопросительно посмотрел он на парня.

– Речь пойдет об одной знакомой нам обоим особе. Я думаю, не нужно уточнять о ком...

– Короче, – перебил его Чернышов, допивая пиво и берясь за вторую бутылку.

Парень потер вспотевший лоб, было видно, что он очень взволнован и не может подобрать нужных слов. Он бросил взгляд на бутылку пива в руках Чернышова и предложил:

– Слушай, давай выпьем?

– Пей, – намекая на то, что угощать гостя он не собирается, коротко сказал Чернышов и демонстративно допил бутылку.

Парень вздохнул, с ненавистью взглянул на Чернышова и продолжил:

– По-моему, для тебя она – всего лишь возможность удовлетворить свои физиологические нужды. А у меня намерения серьезные.

– А я тут при чем? – нарочито равнодушно спросил Чернышов.

– При том, что ты... что ты...

– Что ты, что ты! – передразнил Чернышов и засмеялся. –

Яснее говорить можешь?

Парень собрался, втянул в себя воздух и выдохнул:

– Короче, я хочу, чтобы ты оставил ее в покое.

– А если она не захочет? – с наглой уверенностью спросил Чернышов.

– Значит, ты должен объявить ей, что прекращаешь с ней отношения! Я же вижу, что никаких серьезных чувств ты к ней не испытываешь.

Чернышов хмыкнул, вынул сигарету, медленно прикурил ее, выпустил дым в лицо незваному гостю и спокойно сказал:

– Пошел на х..!

Совершенно не ожидавший подобного ответа парень вдруг вспыхнул, дернувшись вперед, и сжал кулаки. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент опять раздался звонок в дверь.

Чернышов спокойно встал, одарил гостя презрительным взглядом и пошел открывать.

На пороге стояла она. Та самая, которую он ждал и о которой, собственно, и шла речь. На ней был легкий сарафан, обнажающий спину, а волосы свободно падали на плечи.

Она радостно прыгнула Чернышову на шею и прошептала:

– Димочка, я ужасно рада тебя видеть!

Чернышов разомкнул ее руки и отошел в сторону. Девушка подняла на него удивленный взгляд.

– Почему ты меня так встречаешь? – обиженно спросила

она.

– Так, это уже переходит все границы! – слышался дрожащий голос.

Из комнаты появился пунцовый от гнева парень, который с бешенством смотрел на девушку. Та увидела его, и в глазах ее промелькнул испуг.

– Ты что здесь делаешь? – спросила она.

– Это я у тебя должен спросить! – закричал вдруг он. – Ты же обещала мне, что не придешь больше сюда!

– Я и пришла, чтобы сказать об этом, – начала оправдываться девушка.

– Так я тебе и поверил, я что, не видел, как ты на него вешалась?

– Послушайте, – вмешался Чернышов, которого все это начало сильно напрягать. – Можно не орать? Или я сейчас просто вытряхну отсюда вас обоих!

– Дима, ты все не так понял! – вцепилась в него девушка.

– Да пошли вы оба! Какой-то хрен гнутый приходит и начинает на меня наезжать, теперь ты...

– Да сам ты... – взвыл вдруг оскорбленный юнец и неожиданно кинулся к Чернышову, пытаясь двинуть ему в челюсть.

Чернышов легко уклонился в сторону и толкнул парня так, что тот полетел в угол, сбивая своим телом вешалку.

– Дима, не надо! – истерично завопила девушка, кидаясь к Чернышову и хватая его за руки.

– И ты двигай клешнями отсюда, манд... жареная! – разозлившись, закричал тот, отталкивая ее от себя.

Чернышов повернулся, быстро прошел в комнату и нервно выдернул из пачки сигарету.

«Блин, как же вы меня достали!» – зло подумал он, чиркая спичкой.

В коридоре тем временем слышалась какая-то возня, но Чернышов не обращал на это внимания, просто кипя от бешенства и делая длинные затяжки. Он стоял, смотрел в окно и думал о том, какое дерьмо его окружает.

Он вдруг заметил, что стало как-то тихо.

«Свалили, что ли?» – чувствуя облегчение, подумал он.

В этот момент он представил себе ее лицо, каким увидел его впервые, и именно эта картина, неумолимо увеличиваясь в размерах, заполнила все его сознание...

Глава 1

– Котов, вставай, что ли, в конце концов! – четвертый раз раздраженно повторила Лариса, тряся мужа за плечо. – Как лялечка маленькая!

– Я лялечка? – нечленораздельно попробовал возмутиться Евгений, чмокая губами.

Однако фраза Ларисы подействовала, и он открыл наконец глаза. Он отметил про себя тот факт, что жена до сих пор его так никогда не называла. Хотя их совместная жизнь насчитывала уже десять с лишним лет.

– А какого черта вставать-то обязательно? – уже более осмысленно спросил Котов. – Сегодня же воскресенье!

– Ты забыл, что мы приглашены на торжество по поводу вручения первой литературной премии в нашей губернии? Ты же сам мне прожужжал все уши насчет этого, сетуя, что культурный уровень нашей новорусской семьи с неумолимой быстротой катится вниз!

– А?! – вспомнил наконец Котов, лениво позевывая. – Ну и что? Время-то еще совсем, наверное, детское.

– Совсем детское, – согласилась Лариса. – Всего одиннадцать утра. Между прочим, Настя уже давно встала и слушает свой магнитофон.

– Пускай слушает, – снисходительно ответил Котов. – А во сколько мероприятие-то?

– В три часа начало.

– И ты меня разбудила в одиннадцать! – возмутился Котов. – Какое свинство с твоей стороны!

– Это с твоей стороны было ужасающим свинством вчера надраться на вечеринке у Асташевских, – парировала Лариса.

– А что? – приподнялся Котов на кровати. – В конце концов люди, то есть мы с тобой и Стас с Ленкой, осознав бесперспективность холостого положения, снова соединились гармоничными парами. Я, например, очень рад за них. Надеюсь, что и они за нас тоже.

– Возможно, – со вздохом произнесла Лариса, которая еще не знала, радоваться ли ей или огорчаться по поводу того, что они с Евгением снова вместе.

Евгений в последнее время поправил свои финансовые дела, и его бизнес начал набирать обороты. Несмотря на эти успехи, которые Ларису не могли не радовать, им сопутствовал неприятный довесок в виде бутылки. Именно ей Евгений отдавал большинство своего свободного от бизнеса времени.

Ларису этот момент, естественно, не вдохновлял. И предложение посетить мероприятие, посвященное вручению премии «Золотое перо», она восприняла с энтузиазмом. Эта премия была учреждена губернатором Тарасова совсем недавно, видимо, для укрепления авторитета власти в среде творческой интеллигенции губернии. Котова пригласил на

это мероприятие старый знакомый-одноклассник Альберт Фатеев, который в настоящее время считался одним из лучших прозаиков и литературных критиков города.

Лариса, однако, подозревала, что отнюдь не стремлением к повышению своего культурного уровня продиктовано желание Котова оказаться в оперном театре, где должно было проходить мероприятие, а тем, что после официальной части там будет банкет. Именно туда-то, по всей видимости, и рвался грешный муженек Ларисы. Тем более что после вчерашней пьянки у Асташевских его организм наверняка требует «лечения подобным».

Лариса скептически посмотрела на Котова, который уже надевал свои домашние брюки, готовясь к выходу на кухню, еще раз вздохнула и вышла из спальни.

Учитывая, что банкета все равно не миновать, Лариса не стала особенно напрягаться с завтраком. В домашнем меню значились всего лишь омлет с сыром и салат из артишоков.

Евгений, выйдя на кухню, зажмурился от солнечных лучей, которые щедрым потоком лились из окна. Снаружи царил март, весна активно вступала в свои права, и хотя по ночам еще сохранялась минусовая температура, было ясно, что часы зимы сочтены.

Котов посмотрел на тарелки с салатом и скептически поморщился.

– Что, братец, похмелье? – ехидно спросила его Лариса.

Котов ничего не ответил, а налил себе из графина в стакан

компот и жадно выпил.

– Ну, вот теперь, может быть, и можно... Закурить, – сказал он после некоторой паузы. – Лара, я все равно, наверное, не буду ничего есть... Сделай мне лучше кофе. Покрепче.

– Он уже сделан, – отчеканила Лариса. – По-арабски, крепче некуда. Бедуинов, наверное, от него сердечный приступ может хватить. Я же знала, что ты после вчерашнего будешь совсем не в форме.

Котов оставил без комментариев ехидные реплики жены и потянулся к кофейнику...

* * *

– Уважаемые леди и джентльмены! – выпренно начал свою речь губернатор. – Мы здесь собрались для вручения первой премии «Золотое перо», которую мы отныне будем постоянно вручать лучшим литераторам нашей, так сказать, губернии...

«Ну и язык у властей ныне, – мысленно посетовала Лариса. – Одно косноязычие, никакой культуры речи».

– Позвольте огласить решение нашей комиссии, – продолжал тем временем глава администрации. – Первая премия в этом году досталась, можно смело заявить, классику литературы нашего времени в Поволжье. Своими глубоко философскими, предельно драматичными и правдиво-реалистичными произведениями Михаил Александрович Степкин за-

воевал заслуженное признание читателей и коллег по перу.

«Сам небось ни одной книжки не прочитал», – продолжала мысленно язвить Лариса. Откровенно говоря, она и знать не знала, что в их городе живет классик русской словесности.

– Его романы «Волею судьбы» и «Жизнь моя» по праву могут считаться вершинами современного литературного искусства. Михаил Александрович прошел трудный путь от скромного техника в научном институте до писателя-прозаика. Не сразу он осознал, что литература является его призванием. Не сразу критики оценили его творчество по достоинству. Но надо отдать должное упорству и трудолюбию этого человека, он не опустил руки, не отчаялся, а работал. И его труды вознаградились сторицей. Пять лет назад Михаил Александрович был принят в члены Союза писателей, а год назад были изданы его романы, которые вызвали большой резонанс в среде нашей интеллигенции. Примите, Михаил Александрович, этот скромный дар в признание ваших заслуг.

Губернатор замолчал, вытер лысину и отошел от трибуны. Подойдя к столу, где с важным видом сидели члены президиума, он взял в руки статуэтку и стал ждать. На губах его играла любезная улыбка.

Немного погодя на сцену бодрой походкой вышел невысокий коренастый мужчина лет пятидесяти. В профиль он выглядел довольно мужественно, по всему было видно, что он гордится наградой. Весь его вид свидетельствовал о том,

что он ни секунды не сомневается в том, что эта статуэтка досталась ему по праву.

Пожав руку губернатору, взяв статуэтку и подняв ее двумя руками вверх, он улыбнулся и повернулся к залу. Раздались аплодисменты. Сначала робкие, потом все более и более звучные.

Степкин, откашлявшись, подошел к трибуне и произнес:
– Я, хм... Благодарен присутствующим и господину губернатору за высокую оценку моего скромного труда и постараюсь в дальнейшем не разочаровать своих читателей. Я рад, что наконец учреждена эта награда. Это, на мой взгляд, свидетельствует о том, что в нашей губернии растет интерес к серьезной литературе. К литературе, свободной от конъюнктурных влияний и легковесности. А это очень важный момент. Ведь не секрет, что в последнее время российская литература переживает глубокий кризис. Наряду с действительно интересными произведениями издается масса всяческого ширпотреба, которому место в макулатуре.

Голос Степкина стал жестким, а фразы отрывистыми. Лариса огляделась и заметила, что у многих находившихся в зале лица несколько вытянулись. Скорее всего они приняли это на свой счет. В Тарасове, городе, который мог претендовать на звание интеллектуальной столицы Поволжья, писателей и поэтов было много. Скорее всего они и занимали первые ряды в театре на этом мероприятии.

– Но не это определяет лицо нашей литературы, товари-

щи, – с шумным выдохом заключил Степкин. – Я уверен, что настанет время, когда мы освободимся от макулатуры, заполнившей все книжные прилавки. И дети наши будут воспитываться на истинной литературе. Я кончил, спасибо...

И Степкин стремительно покинул трибуну, направившись к лестнице, которая вела в партер.

По залу пробежали какие-то смешки, которые, впрочем, были заглушены аплодисментами. Лариса поняла, что это было вызвано последней фразой оратора, которая прозвучала несколько двусмысленно.

– Тоже мне, классики российской словесности, – вслух произнес Котов. – Выразиться толком не умеют.

На его лице застыла гримаса скуки и недовольства. Было видно, что его напрягает не то, как высказываются с трибуны, а то, что он вынужден терпеть официальную часть мероприятия, которую бы с удовольствием проигнорировал, отдав предпочтение банкету.

Тем временем объявили второго и третьего номинантов. Ими оказались молодые писатели Андрей Бельман и Алексей Макушкин. Оба не стали растягивать свои речи, ограничившись краткими словами благодарности в адрес администрации области и лично губернатора.

Затем на сцене появились коллеги награжденных, которые оказались менее удачливыми и остались без призов. Они выступили с поздравлениями в адрес лауреатов и пожелали им творческих успехов.

Ну, а потом сцену оккупировали творческие коллективы, представившие на суд зрителей свои номера. После того как отплясал народный украинский ансамбль «Веселка», Котов заскрежетал зубами.

– Черт, сколько можно! – вырвалось у него.

– Я смотрю, ты не очень-то стремишься к культуре, Жечка, – ответила на реплику мужа Лариса, которой некоторые номера даже понравились.

– Да окультирились уже, хватит... Это все официальщина, а важно непосредственное общение. Ты же знаешь, Лара, писатели – они постоянно тусуются, общаются... В этом общении они находят порой и материал для своих романов, и вдохновение.

– Ну, правильно, – согласилась Лариса. – В бутылке находят и еще кое в чем...

– А что ты так удивляешься? Возьми хоть Пушкина, хоть Есенина... Алкоголики и блядуны!

– Да тише ты! – толкнула в бок мужа Лариса. – Все-таки в театре находишься.

– Ну и что? – пожал плечами Котов. – Потом будет банкет, увидишь, какие эти писатели в неформальной обстановке. Мне Алик Фатеев рассказывал, что одного из них после такой тусовки нашли в женском туалете в обнимку с унитазом! Причем извлек его оттуда директор нашего драмтеатра Гаврилов... Если бы не он, то лежать бы бедному писателю там до утра. Кстати, по-моему, это один из тех, кто получил

призы.

– Неужели Степкин? – неподдельно удивилась Лариса.

– Нет, насколько я знаю, Степкин – это мастодонт нашей литературы. Кажется, кто-то из молодежи...

Котов замолчал и хмуро уткнулся в программку мероприятия, прикидывая, сколько еще времени ему придется страдать.

Страдания его продолжались еще где-то около часа. Когда официальная часть завершилась, в фойе театра к Котовым подбежал толстенький усатенький человек, который, брызжа слюной и размахивая руками, воскликнул, что он чрезвычайно рад появлению их на этом мероприятии.

– Альберт Фатеев, – важно представил его Котов жене. – Критик, писатель, между прочим, не хуже всяких там Степкиных.

– Ну, это ты не надо, – засмущался Фатеев. – У Михаила Александровича очень правильные, очень нужные, я бы сказал, своевременные романы. Заслуженная награда, заслуженная...

Несмотря на его слова, Ларисе показалось, что в интонации Фатеева проскользнула ирония. Что ж, это было естественно для творческой среды, в которой каждый очень ревниво относился к успехам коллег.

– Я думаю, что вы примете участие в нашем, так сказать, партии?... – изогнувшись дугой, спросил Альберт.

– Всенепременно, – с готовностью откликнулся Котов. –

Куда проходить?

– Мероприятие будет на пятом этаже. Знаешь, где буфет?

– Да уж, где буфет, он знает, – ответила за мужа Лариса. – Я так думаю, что из-за буфета он в свое время со мной сюда и ходил. Пока не занялся бизнесом и времени стало меньше...

– Так вот, проходите мимо буфета и направо, по коридору. Там будет дверь, на которой написано «Банкетный зал». Впрочем, – Фатеев задумался, – я вас сейчас сам туда проведу. А то могут быть сложности – ведь это как бы только для своих.

И он, взяв под руки супругов, колобком покатился вперед, к мраморной лестнице, ведущей на пятый этаж.

* * *

– Макушкин – горький пьяница! – зазвенел голос Андрея Бельмана, который, раскачиваясь на своих длинных ногах, облаченных в кожаные штаны, обнимал за талию какую-то девушку и не замечал, что стряхивает пепел ей прямо в декольте.

Собственно, и девушка этого не замечала, поскольку была всецело поглощена персоной красавца Андрея. Она млела, заглядывая ему в лицо.

Тут отреагировал и сам «горький пьяница» Макушкин. С трудом оторвав голову от колонны, к которой он на всякий случай прислонился, он отхлебнул из бокала шампанское и

изрек:

– А Бельман – чудовищный иудей!

Это высказывание, однако, не пригвоздило Бельмана к позорному столбу, и он весело отозвался:

– Жалкий графоман!

– Очень приятно, писатель Макушкин, – поклонился Бельману Макушкин, сам от себя не ожидавший в данный момент способности иронизировать.

Поклон дался ему с трудом, и он, чтобы окончательно не раскоординироваться в пространстве, был вынужден схватиться за колонну рукой.

– Полное собрание сочинений Макушкина сдано... В макулатуру, – подняв палец, уточнил Бельман под одобрительное хихиканье девушки.

– В макулатуру-у? – неожиданно раздался скрипучий голос главного лауреата, Степкина. – И это правильно, товарищи! Все в макулатуру, абсолютно все! У нас нет литературы, товарищи! Не-ту!

Он тоже уже порядком набрался и ходил от группы к группе, одаривая присутствующих своим вниманием. Временами у него просили автографы, которые он милостиво раздавал.

– Я-то всякой левотой не занимаюсь, – многозначительно заметил Макушкин. – В отличие от некоторых...

Его красноречивый взгляд был направлен в сторону Бельмана, которого неожиданно это покорило. Он обнял свою даму еще крепче и, состроив презрительную мину, удалился.

– Степкин – жалкое ничтожество и бездарность, – пробормотал Макушкин, одолев в конце концов бокал шампанского.

Однако сказал он это на всякий случай потише, дабы не нарываться на скандал.

– А кстати, что представляют собой эти его романы? – спросил у него Евгений.

Он уже «подлечился», и по этой причине его пробило на общение.

– Полнейший кал! – скривился Макушкин. – Пространственные рассусоливания на тему будничного героизма людей труда. В каждой главе рефреном проходит тема «Эх ты, жизнь моя, жестянка!». Автор, кажется, сам не понимает, какой серой жизнью живут его герои. По-видимому, и у него она такая же...

– Конечно, серая! – проскрипел тут снова неожиданно возникший Степкин. – Я по туалетам не валяюсь... Эх, молодежь! – рубанул он рукой воздух.

– Я попрошу без оскорбительных намеков, – пытаюсь гордо поднять голову, ответил Макушкин.

Однако сделать это ему не удалось, и он ограничился лишь поворотом в сторону Евгения.

– Давайте выпьем! Я вижу, что вы меня понимаете!

– Конечно, – с готовностью отреагировал Котов.

Лариса слушала эту внутрилитературную перебранку и снисходительно улыбалась. И тут неожиданно заметила

взгляд незнакомого молодого человека, который сидел напротив.

Это был жгучий брюнет с короткой стрижкой, высокий и широкий в плечах, в очках-хамелеонах. На левой щеке у него была большая родинка. Пожалуй, он был одним из немногих, кто был практически трезв. Лариса заметила, что он как держал наполненным бокал с шампанским, так и цедил его вот уже часа полтора.

Рядом с ним сидела достаточно бойкая молодая особа в джинсовом костюме, громко общалась с компанией, сосредоточившейся на противоположном конце стола. Время от времени она толкала в бок брюнета и что-то шептала ему на ухо. Тот, однако, весьма сдержанно на это реагировал и вел себя подчеркнуто солидно.

То, что Лариса по каким-то причинам его заинтересовала, было для нее очевидно. Сидевшему рядом с брюнетом критику и писателю Фатееву это тоже бросилось в глаза. Он с интересом следил за ситуацией. И только Котову, окончательно погрузившемуся в процесс поклонения Бахусу, это было совсем незаметно. Да и, откровенно говоря, безразлично...

Придя к таким неутешительным выводам, Лариса улыбнулась брюнету.

– Вам положить салат? – тут же откликнулся он. – По моему, на вашей стороне нет чернослива с крабами.

– Интересно было бы попробовать... Неожиданное сочетание, – сказала Лариса, в которой проснулся профессио-

нальный интерес.

Несмотря на то что ресторан «Чайка», возглавляемый ею, славился подбором самых экзотических блюд, такого салата Лариса не знала.

– Да, пожалуйста, – она протянула свою тарелку брюнету.

– Кстати, меня зовут Василий, – представился он, передавая тарелку с салатом назад.

– Лариса, – представилась она в ответ.

К этому времени его спутница пересела на противоположный конец стола, присоединившись к развеселой компании, и Василий предложил Ларисе занять ее место.

Та бросила взгляд на своего мужа, который отрывался всю, компенсируя мучения, которые довелось ему вынести за время официальной части, невесело усмехнулась и, взяв свою тарелку, пересела к брюнету.

– Вам налить что-нибудь? – любезно спросил тот.

– Да, – неожиданно для самой себя сказала Лариса.

«В конце концов, не грустить же мне весь вечер!» – подумала она, заметив, как в этот момент уже прилично захмелевший Котов обнимает за плечи Алексея Макушкина, в лице которого нашел соратника по поглощению спиртного.

– ...За твои творческие успехи, Леха! – долетел до Ларисы очередной тост Евгения, одним махом опорожняющего бокал.

Пьяненький Макушкин жал ему руку, лепетал какие-то ответные признания и пытался дать Котову автограф, но тот

с возмутительной невоспитанностью игнорировал это похвальное начинание.

– Это ваш друг? – внимательно следя за Ларисиним взглядом, осведомился Василий.

– Муж, – коротко отозвалась она, слегка покраснев и почувствовав смущение оттого, что этот человек являлся ее законным супругом.

– Я смотрю, у вас не очень теплые отношения, – осторожно заметил Василий.

– Мне бы не хотелось обсуждать эту тему, – сухо ответила Лариса.

– Извините, я не хотел вас обидеть. Просто вдруг вспомнил свою семейную ситуацию.

– А что, у вас проблемы? – скосила взгляд Лариса в сторону девушки в джинсовом костюме, которая задорно смеялась, в то время как ее обнимал какой-то долговязый парень с прыщавым лицом.

– Да, есть такой момент, – уклончиво согласился Василий. – Нет, вы ошибаетесь, эта девушка вовсе не моя жена, – заметив взгляд Ларисы, прокомментировал он. – Влада всего лишь моя старая приятельница.

Он вдруг залпом допил шампанское и на некоторое время замолчал, уставившись куда-то в сторону.

– А вы, простите, чем занимаетесь? – решила перевести разговор на другую тему Лариса.

– Что? – очнувшись от своих мыслей, спросил Василий. –

Ах, да... Я, знаете ли, поэт. А вообще преподаю в университете, на филологическом.

– И вы знакомы со всей этой публикой? – обвела глазами зал Лариса.

– Да, конечно. Я не скажу, что здесь присутствует весь литературный Тарасов, но значительная часть так называемой литтусовки имеет место быть.

– Просто мне показалось, что вы не очень хорошо в эту тусовку вписываетесь. – Почему?

– Потому что на вашем лице я не замечаю веселья. К тому же вы почти не пьете.

– Вы думаете, этим людям весело? – иронично спросил Василий. – Если так, то вы ошибаетесь. Весело им всего лишь по той причине, что они пьяны и радуются халявной жрачке и выпивке. На самом деле здесь никто особо не рад друг другу. В творческой среде царят зависть и лицемерие.

– А вы свободны от этого?

Василий неопределенно пожал плечами и тихо сказал:

– Я все-таки стараюсь уделять больше внимания непосредственно творчеству. Хотя сейчас сложно этим заниматься, если не имеешь еще и какую-то другую работу. Некоторые пишут всякий ширпотреб по заказу, как, например, небезызвестный Бельман, – сказал он, указывая на одного из лауреатов, который в этот момент в углу уже жадно целовал в губы совершенно другую девушку, а его бывшая спутница уютно устроилась на коленях Макушкина.

От Ларисы не укрылось то, что Котов плотоядно поглядывал на нее и даже поглаживал ее ногу.

«Ах ты, старый ловелас!» – возмутилась Лариса, ловя себя на мысли, что не ощущает никакой ревности.

– А Макушкин-то ничего себе! – игриво прозвучал голос девушки, сидевшей у него на коленях.

При этом она искоса бросила взгляд на Бельмана, следя за его реакцией.

– С пивом сойдет, – не замедлил откликнуться тот.

– Ну, если я с пивом, то ты – только с «Анапой», – пытаюсь быть остроумным, ответил Макушкин.

– Ха! – только и смог отреагировать Бельман, демонстративно обнимая свою новую пассию.

– Андрюша – прелесть! – проворковала она, чмокая его в щеку.

Тут мимо Бельмана прошаркал главный лауреат вечера Степкин, который бросил на него неодобрительный взгляд и что-то пробурчал под нос. Бельман почему-то счел это бурчание личным оскорблением и заносчиво произнес:

– А ну повтори, что ты сказал, лауреат, твою мать!

– Чего? – набычился Степкин. – Язвить еще будешь, молокосос!

– Андрюша, не надо! – пыталась одернуть Бельмана его спутница.

– Чего «не надо»? – отмахнулся Андрюша. – Всякие лохи хамить, что ли, будут?

– Вот, полюбуйте! – торжественно указывая на Бельмана пальцем, воскликнул Степкин. – И эти люди, использующие бандитскую лексику, получают премии! И после этого мне будут говорить, что у нас в России нет литературного кризиса! И после этого утверждают, что ничего страшного не происходит! Это же пепси-культура! Поколение «некст», мать вашу!

Тут неожиданно перед ним возник нетвердо держащийся на ногах представитель этого самого поколения Алексей Макушкин. Он вдруг почувствовал, что Степкин в своей обличительной речи затронул и его, и в связи с этим его первейшим долгом является достойно ответить оппоненту. Для этого он попытался избрать выпренный стиль:

– Я полагаю, что ваши инсинуации абсолютно неконгруэнтны сложившейся в этом зале атмосфере всеобщего удовлетворения и взаимопонимания, – с пафосом произнес он, радуясь и гордясь тем, что смог, несмотря на тяжелую степень опьянения, выговорить все это.

Но... Физиология все-таки взяла свое. Произнеся эту напыщенную и витиеватую фразу, Макушкин не выдержал и рыгнул.

И эта маленькая деталь оказалась роковой. Степкин громко засмеялся и заплодировал:

– И эти люди будут еще...

Фразу он не успел закончить по причине того, что Бельман с отчаянным криком «Бей жидов!» саданул Степкину

в его абсолютно русское крестьянское лицо. Несколько ошалевший от такого развития событий Макушкин некоторое время стоял как истукан. Но в ситуацию стремительным метеором вклинился Котов, которому явно не хватало в этот вечер острых ощущений.

Он первым поспешил на помощь молодому поколению и, встав между Бельманом и Степкиным, грозно заявил:

– Не фига наезжать на генофонд нации!

– Какой на-ции?! – презрительно спросил Степкин, пытаюсь достать Бельмана ногой.

– Российской! – гордо заявил Котов.

– Ладно, мужики, что вы в самом деле! – Василий встал со своего места и, нахмурившись, поспешил в эпицентр событий. – Потом журналисты напишут, что писатели нажрались и набили друг другу морды, не поделив статуэтку. И мы вообще лишимся губернаторского литературного фонда!

Участники свары разом повернули головы в его сторону. Они несколько секунд пытались переварить услышанное. Наконец сквозь алкогольный дурман к ним пришло-таки осознание того, что поступают они неразумно. Упоминание о деньгах моментально вернуло их на землю. Тут бы все и закончилось, но Котов, который к творческой интеллигенции не принадлежал и, соответственно, губернаторский фонд ему был абсолютно «по барабану», вдруг воспроизвел запавшую ему в память фразу:

– Жалкий графоман!

Поскольку он находился лицом к лицу со Степкиным, то последний принял это на свой счет.

– А ты-то что еще тут вякаешь? – возмутился он. – Ты кто вообще такой?

– Евгений Котов, бизнесмен, – гордо представился тот заплетающимся языком.

– Так иди и занимайся бизнесом, а сюда своим рылом не лезь! – грубо отрезал Степкин и взял Евгения за грудки.

Лариса, почувствовав, что муж вляпался в некрасивую историю, поспешила на помощь.

– Господа, господа! Не надо конфликтов! Вы же все-таки интеллигентные люди!

– Мы-то, может быть, и интеллигентные, – зло буркнул Степкин. – А вот всякие там... хм...

– Господа, давайте лучше выпьем! – возник сзади высокий седой мужчина в очках. – И поспорим о том, какая литература сейчас нужна – бульварная или антикварная.

– Ох, бросьте, Александр Владимирович, – снова рубанул рукой воздух Степкин, оборачиваясь к седому. – Вы работаете в сфере ширпотреба и радуетесь! И ваши клиенты, понимаешь, здесь бузу устраивают!

Он снова повернулся и уже был готов показать в направлении Бельмана, но его как ветром сдуло с места. Он уже успел сбегать за двумя молодыми людьми с бэйджами на груди. Они приближались к спорящим.

– Попрошу на выход! – мрачно потребовал один из охран-

ников, подойдя к ссорящимся.

Котов даже не понял, что обращаются к нему. Он был уверен, что все это адресовано Степкину, и радовался в душе, что справедливость восторжествовала. Он уже хотел было помочь молодым людям выдворить лауреата вон, как его самого взяли под белы ручки и повели к выходу.

– Стыд! Какой стыд! – качая головой, произнес с пафосом Степкин и повернулся к седому.

– Вот и я говорю, давайте лучше выпьем! – улыбнулся седой, которого звали Александром Владимировичем.

К этому предложению вскоре присоединились и Бельман с Макушкиным. Они не особо расстроились, что Евгения выдворили из зала, похлопали Степкина каждый со своей стороны по плечу и в знак примирения предложили выпить. Степкин ради приличия поломался и, шумно выдохнув, сказал:

– Давай!

Через некоторое время они уже сидели вчетвером как лучшие друзья и обсуждали какой-то очень важный вопрос современного литературного процесса.

Лариса, ощутив на себе весь позор только что пережитой сцены, извинилась перед своим новым знакомым и поспешила покинуть зал.

Василий бросил ей вслед фразу: – Я надеюсь, что вы не насовсем уходите. Мне бы хотелось с вами побеседовать.

Лариса ничего не ответила, а устремилась вслед за дву-

мя парнями, которые, несмотря на отчаянное сопротивление Котова, настойчиво вели последнего вниз по лестнице.

– Лошье! – кричал Котов, упираясь ногами в пол как только это было возможно.

Испуганный критик Фатеев семенил следом, пытаясь что-то объяснить и сгладить ситуацию. Наконец парни отпустили Котова, и тот что-то начал горячо доказывать Фатееву. Подоспевшая Лариса не стала вдаваться в подробности этого разговора, а тут же заявила:

– Сейчас же поедешь домой! А я остаюсь здесь, принципиально!

И, вытащив из кармана своего пиджака мобильный телефон, набрала номер. На счастье, Сергей, шофер, которого Котовы держали на случай всяких критических ситуаций, оказался дома. Он сообщил, что сможет быть около театра через пятнадцать минут. Лариса, которая общаться с пьяным мужем абсолютно не хотела, поручила его Фатееву, строго-настрого наказав ему, чтобы Котов не дай бог не встрял еще во что-нибудь и был благополучно погружен в машину. Фатеев закивал и увлек своего старого друга куда-то вниз.

– Какие невоспитанные люди эти твои писатели! – донесся до Ларисы возмущенный голос мужа. – Безобразие! Культурные люди пришли культурно отдохнуть! Пойдем лучше выпьем!

«Господи, за что же мне все это!» – подумала Лариса, воз-

вращаясь в банкетный зал.

– Нет, господин Державин категорически прав, – вещал главный лауреат Степкин, держа уже знакомого Ларисе Василия за пуговицу пиджака. – Это нужно сделать! Литературный журнал нужно поднимать. Кстати, Василий может возглавить новую редакцию.

– Да, точно! – с готовностью поддержал его Бельман. – А то этот старый козел Сперанский уже всех окончательно достал. Даже своих старых друзей.

– Таких друзей – за х... и в музей! – задорно выкрикнул представитель пепси-культуры Макушкин.

– Ладно, обо всем поговорим на очередном заседании Союза, – подвел итоги состоявшейся дискуссии Степкин и накинул на плечи черное кашемировое пальто. – Пора и честь знать!

– Вася, ты куда сейчас? – подошла к Василию бойкая девица, которую он назвал Владой.

– В семью, – как-то грустно отозвался Державин и посмотрел на Ларису.

Лицо ее было хмурым, она все еще не могла успокоиться после сцены, устроенной ее муженьком.

– Так ты меня не проводишь? – спросила тем временем Влада у Василия.

– Ты знаешь, сегодня никак не смогу, извини, – положив руку девушке на плечо, мягко ответил он.

– Как? – удивилась и даже растерялась та. – Ты меня по-

кинешь?

– Влада, я действительно не могу тебя проводить, – взяв Владу за руку, постарался убедить ее Державин. – У тебя же здесь свой круг общения, кто-нибудь из этих ребят непременно тебя проводит! Хотя бы вон тот долговязый...

Он глазами показал на прыщавого юнца, который напряженно следил за ними.

– Ну и ладно! – вздернула вдруг нос та. – Обойдусь!

Она резко выдернула свою ладонь из руки Василия и дернулась в сторону. Подбежав к долговязому, она, покачивая бедрами, подцепила его за руку и прошествовала с ним к выходу, не забыв бросить искоса взгляд на Державина.

Тот вздохнул, развел руками и с извиняющейся улыбкой повернулся к Ларисе.

– Мне кажется, вам необходимо прийти в себя, – сказал он. – Хотите, я провожу вас?

– Вы же только что сказали, что торопитесь в семью, – усмехнулась Лариса.

– Мне просто не хотелось находиться в компании Влады, – признался Державин. – А вообще у меня время есть. Кстати, как я уже говорил, у меня есть желание с вами побеседовать.

– О чем? – напрямую спросила Лариса.

– Ну... Да так ли уж важно о чем? – Он улыбнулся. – Просто мне хочется с вами пообщаться, потому что вы мне понравились. Ну что, пойдете?

– Пойдемте, – согласилась Лариса, и они вышли из зала.

– Вон моя машина, – показал Василий на синюю «девятку», когда они оказались на улице.

– Вообще-то я живу совсем недалеко отсюда, и мы могли бы пройтись пешком, – отозвалась Лариса.

Она с удовольствием вдыхала свежий воздух, показавшийся ей особенно живительным после душной атмосферы банкетного зала. Ей вдруг захотелось развеяться.

– Отлично! – было видно, что Василий очень рад. – Вы позволите? – он согнул свою руку в локте, предлагая ее Ларисе.

Вскоре они не спеша шли по освещенной мягким светом фонарей тихой улице, специально свернув с центральной.

Одет Василий был строго, просто и элегантно. Кремовый плащ поверх серого костюма, черная рубашка и бордовый галстук.

– У вас проблемы со зрением? – спросила Лариса, бросив взгляд на его очки-хамелеоны.

– Нет, мне просто нравится носить эти очки, – ответил Державин. – Моему облику это добавляет интеллигентности. Кроме того, это память об одной девушке...

– Вы расстались?

– Это грустная история, я как-нибудь расскажу ее вам, – ответил он.

– По-моему, вам не очень-то везет в личной жизни, – заметила Лариса, намекая на отношения в его семье, о которых тот вскользь упомянул.

– Да, – согласился Василий. – Порой я и сам этому удивляюсь. Каждый раз, когда, казалось бы, есть все основания для создания нормальных отношений, что-то мешает этому. Так получилось и с моей женой.

– А у вас есть дети? – поинтересовалась Лариса, которой было несколько неудобно спрашивать у малознакомого человека напрямую, какого рода проблемы царят в его семье.

– Нет, – покачал головой Василий. – Думаю, что я еще не готов к роли отца.

– А сколько вам лет, простите?

– Двадцать семь. Но дело не в возрасте, а во внутреннем состоянии. Я считаю, что нам пока не стоит заводить детей. Тем более что... А, ладно! – Он вдруг махнул рукой и замолчал.

Ларисе показалось, что ему хочется чем-то с ней поделиться, но он не решается. Решив не вынуждать его к этому, она перевела разговор на другую тему:

– А вы давно знакомы с этой девушкой, Владой?

– Что? Ах, да! – спохватился Державин, углубившийся в какие-то явно невеселые мысли. – Владу я знаю уже лет пять. Мы познакомились в университетской библиотеке. Она была на первом курсе, я на пятом. Потом, кстати, она бросила университет. Однако считает себя жутко талантливой, – Василий иронически усмехнулся. – Она вращается в литтусовках, но, по моему мнению, как писательница ничего из себя не представляет. Да и пишет-то скорее для себя. И вообще,

Влада больше склоняется к неформальной среде.

– Мне показалось, что она на вас обиделась, – заметила Лариса.

– А, ерунда! – махнул рукой Василий. – Я куплю ей грильяж, и мир будет восстановлен. Да хватит о ней, мне бы хотелось побольше узнать о вас. Чем вы занимаетесь, Лариса, если не секрет?

– Я директор ресторана «Чайка». Слышали о таком?

– Вы? Директор ресторана? Такая красивая? – неподдельно удивился Державин.

– И что? – с вызовом произнесла Лариса. – Красивые женщины не могут быть директорами ресторанов?

– Я считаю, что неважно, кем ты работаешь... Главное для меня другое.

– Что?

– Вы мне нравитесь как женщина, – напрямую заявил Василий.

Его голос звучал отрывисто, в нем чувствовалась страсть, и Лариса ощутила на себе за стеклами «хамелеонов» его разрывающий взгляд.

Она призналась себе, что ей это приятно, хотя прозвучало слишком уж откровенно. На счастье, они уже подходили к ее дому, и ей не пришлось отвергать признание Василия.

– Ну, вот мы и пришли, – бодро произнесла она, вынимая из сумочки ключи. – Спасибо вам, что проводили меня, очень интересно было пообщаться.

– Вы не дадите мне свой телефон? – с надеждой спросил Василий.

– Если только рабочий, – помедлив, ответила Лариса, доставая свою визитку.

– Ладно, спасибо. Я позвоню вам...

Произнеся эти слова, Василий засунул визитку в карман плаща и отошел от нее шага на два.

– Привет! – бросил он ей, подняв два пальца вверх. – Я обязательно позвоню...

Глава 2

И он действительно позвонил. Позвонил через три дня после их знакомства.

К этому времени у Ларисы с Котовым окончательно испортились отношения. После вечеринки в банкетном зале оперного театра Евгений запил. Ларисе он объяснял свое поведение тем, что в его тонкую, чувствительную душу буквально наплевали «эти хамы», и ему необходимо восстановить душевное равновесие. И, приезжая вечером домой, откупоривал очередную бутылку, отдавая предпочтение любимому джину «Гордонс». Опустошив ее, Евгений становился совершенно невыносимым: он начинал придирается к Ларисе, упрекать ее в том, что она уделяет ему мало времени и вообще не поддерживает и не понимает.

В такие минуты она искренне жалела о том, что упразднили ЛТП, и старалась допоздна задерживаться на работе, чтобы пореже встречаться с мужем.

«Вот уж помирилась на свою голову!» – сокрушалась Лариса, стараясь с головой окунуться в рутинные рабочие дела и хоть некоторое время не думать о семейных проблемах.

Вот в таком состоянии ее и застал звонок Василия Державина.

– Лариса? – голос его звучал как-то вкрадчиво.

– Да, слушаю.

– Это Державин. Я обещал вам позвонить... – напомнил он.

– Рада вас слышать, – искренне ответила Лариса, но не удержалась и перешла на официальный тон: – Чем обязана?

– Мне бы хотелось с вами встретиться, – заявил он. – И я приглашаю вас к себе домой.

– Домой? А как на это отреагирует ваша жена? – выдержав паузу, спросила Лариса.

– Татьяны нет дома, она в отъезде.

– Но... – Лариса все никак не могла оправиться от недоумения. – Тем более это как-то...

– Да все нормально, – успокоил ее Василий. – Мне просто хочется с вами посидеть, поговорить. В прошлый раз вы мне доставили удовольствие, почтив своим вниманием.

В этот момент зазвонил Ларисин мобильный телефон.

– Одну минуту, – попросила она Державина, переключаясь на другого абонента: – Алло!

– Лара? – голос Евгения Котова был каким-то неуверенным.

«Уже с утра успел нажраться!» – с раздражением подумала Лариса.

– Да, что тебе? – сухо осведомилась она.

– Ты знаешь, солнышко, я сегодня, вероятно, приду поздно, – заявил Котов и после минутной паузы добавил: – А может быть, и вообще не появлюсь. У меня тут, понимаешь, дела образовались важные...

– Понятно! – усмехнулась Лариса. – Смотри, в каталажку не загреми!

После этого напутствия она отключила мобильник и вернулась к разговору с Державиным. Собственно, звонок мужа и повлиял на ее решение. Теперь, когда было абсолютно ясно, что Евгений не придет ночевать по причине «важных дел», о сути которых она догадывалась – Котов всегда любил покутить в обществе девушек легкого поведения, – Лариса подумала: «А почему бы и нет?» – и приняла приглашение Василия.

– Хорошо, я согласна, – сказала она в трубку. – Называйте адрес, я подъеду.

* * *

Василий встретил Ларису на Привокзальной площади. Он стоял возле магазина «Ласточка», держа в руках букет крупных красных тюльпанов. Увидев Ларису, вышедшую из «Вольво», он поспешил ей навстречу и широко улыбнулся. Лариса поблагодарила за цветы, и они поехали к нему домой.

– Я специально решил вас встретить, чтобы вы не плутали в поисках моего дома. Дело в том, что его не так-то просто найти.

Державины жили в частном доме за вокзалом, на склоне холма, который назывался Лысой горой. Он находился в некотором отдалении от других построек, как бы на отшибе.

Среди остальных домов он выделялся новыми наличниками и стеклами-хамелеонами, которые микшировали свет. Это новшество евродизайна многим жителям этого района было не по карману. При доме был небольшой садовый участок, соток шесть, на аккуратной зеленой калитке висела табличка «Во дворе злая собака».

Когда Лариса с Василием зашли внутрь, навстречу им выбежала отнюдь не огромная псина наподобие волкодава, а довольно симпатичная зверюшка, больше напоминавшая продукцию фабрики игрушек. Болонка подпрыгивала на задних лапках и что-то весело тьякала, приветствуя хозяина. Она повиливала хвостиком и довольно посапывала черненьким, похожим на пуговку, носиком.

– И это вы называете злой собакой? – иронично поинтересовалась Лариса.

– Табличка осталась от прежних хозяев, и мы решили ее не снимать. Дом этот мы купили два года назад.

Когда Лариса вошла внутрь, она обратила внимание, что все помещение было буквально вычищено до блеска. Во всем облике квартиры чувствовалось то, что обычно называют мещанством. Об этом свидетельствовали салфеточки везде и всюду – веяло добротной брежневской стариной. Фаянсовые статуэтки в виде пастушек дополняли картину. В гостиной висела большая свадебная фотография Василия и Татьяны.

На фотографии жена Василия выглядела довольно мило

– высокая блондинка с задорными кудряшками, серые глаза ее светились любовью к мужу.

Короче, она была из тех, на которых женятся. Лариса давно обратила внимание, что утонченные творческие натуры, наподобие Василия, часто выбирают себе жен, являющихся полной противоположностью им самим. На таких женщин они всегда могут надеяться, не обладая сами достаточными деловыми качествами. С такими заботливыми женами они чувствуют себя очень удобно, сидя в кресле с газетой в руках и чашкой кофе.

– Кстати, я не проверил почту, – спохватился Державин.

Он вышел за калитку, оставив Ларису в комнате. Предоставленная себе, она начала осматривать дом.

С потолка свисала большая люстра из цветного стекла с вентилятором. На огромном телевизоре «Самсунг» стояла бронзовая статуя какого-то японского божества. На стене над телевизором в дорогой раме висела репродукция Сикстинской мадонны. На противоположной стене висел плакат с изображением Киркорова и Пугачевой.

В вазочках стояли букеты искусственных цветов. Если бы этих венков было поменьше, это, возможно, как-то еще смотрелось, но у Ларисы сложилось впечатление, что хозяйка дома при всей своей деловитости не знала чувства меры и не имела способности к оформлению собственного жилья.

Лариса стояла в центре комнаты, когда появился Василий. Его вид показался ей несколько озабоченным. В руках он нес

какие-то бумаги.

– Простите, я сейчас, одну минуту, – быстро сказал он, проходя в соседнюю комнату.

Через пару минут он вернулся и еще раз извинился перед Ларисой.

– У вас какие-то неприятности? – тихо спросила она.

– С чего вы взяли? – вопросом на вопрос ответил он и как-то деланно засмеялся. – Да нет, все нормально. Все просто замечательно. Давайте лучше выпьем, Лариса.

При этой фразе она сразу же вспомнила Евгения. Но у Василия это предложение прозвучало совсем по-другому.

Они сидели за круглым столом, накрытым белоснежной скатертью, и разговаривали вот уже с час, обо всем сразу и как бы ни о чем. Лариса отметила, что Василий приятный собеседник, хорошо ориентирующийся во многих вопросах.

– А что это за статуэтка? – повернулась она к телевизору.

– Это Бодхисатва, – ответил Василий. – Его культ распространился в Тибете и Монголии. Особо продвинутые мастера буддизма, почти святые, из великого сострадания к окружающим отказывались от нирваны, от ни с чем не сравнимого блаженства. Для того, чтобы другим, близким и дальним своим, погрязшим в грехе и несчастьях, помочь достичь просветления...

– И что же, глядя на эту статую, вы хотите достичь просветления?

– Отнюдь нет, – покачав головой, сказал Державин. – За-

нимаясь медитацией, ты можешь использовать эту статую как магистральную дорогу к светлым мирам. А медитация – вещь очень тонкая, нужно очистить свой ум и сердце. Только тогда Бодхисатва будет проводником в иные, более светлые миры... Ты хочешь слишком простого пути.

– А мы что, уже перешли на ты? – удивилась Лариса.

– Когда мы находимся рядом с таким величием Востока, на вы можно называть только Бодхисатву, – объяснил молодой человек. – А меня ты можешь спокойно называть на ты.

Василий включил светильник, который наполнил комнату приглушенным, мягким светом, создав атмосферу интима и легкой таинственности. Налив в бокалы шампанское, Василий предложил тост за Ларису.

Она потягивала вино, откинувшись на спинку кресла, и ловила себя на мысли, что эта обстановка ее расслабляет и чувствует она себя удивительно легко и непринужденно.

– Надо же, мне так легко с тобой, словно мы знакомы много лет, – эта фраза Василия прозвучала в унисон Ларисиным мыслям и вывела ее из состояния какой-то неги.

Он внезапно встал, держа в руках бокал, и подошел к ее креслу. Сев на подлокотник, он обнял Ларису за плечи и начал гладить ее шею. Неожиданно для самой себя она почувствовала, что у нее участилось дыхание. Василий, ощутив это, перешел к более решительным действиям. Рука его скользнула ниже.

Однако Лариса мягко, но решительно отстранила его ру-

ку. Василий, нисколько не смущаясь, протянул руку к столу, взял оттуда бутылку шампанского и подлил Ларисе в бокал.

– Выпьем за любовь! – с неожиданным пафосом воскликнул он.

– Любовь? Вы думаете, что это возможно после нескольких часов общения? – иронично спросила Лариса.

Василий вздохнул, обошел стол и сел на свое прежнее место. Отхлебнув глоток шампанского, он закурил и сказал:

– Любовь бывает разной. И она отнюдь не такая, какой мы ее порой хотим видеть через призму ханжеской морали. К тому же матушка-природа, увы, не предусмотрела целомудрия. Достаточно знать основы естествознания. Целомудрие противоестественно, это культурный нарост... Другой вопрос, что не надо опускаться до скотства. Для меня, например, чистый секс – это скотство. Нужно любить, и неважно, окажется ли это любовью на один час, на неделю или на всю жизнь! Главное, чтобы была любовь. Пускай самое маленькое, но чувство. Вот мы с тобой видимся второй раз, но я ощущаю флюиды, которые меня неумолимо влекут к тебе...

– Это неудивительно, – усмехнулась Лариса. – К тому же за окном весна – сами понимаете, вы же намекали на естествознание.

Василий в свою очередь тоже ухмыльнулся.

– Понимаешь, культура сделала из самки женщину, а из самца – мужчину, – продолжал вещать он. – А инстинкт размножения люди превратили в удовольствие. Высокие натуры

ищут в этом удовольствии любовь, более грубые – простое освобождение от физиологического груза. Но, к сожалению, культура наложила на многих стягивающие обручи ханжества и ненужных условностей... Надеюсь, ты не ханжа?

– Я, конечно, не ханжа, но не с первым же встречным! – ответила с улыбкой Лариса. – К тому же вы все-таки женатый человек!

– Какое это имеет значение, когда речь идет о чувствах? – проникновенно спросил Василий.

– А что, к жене у вас совсем не осталось никаких чувств? Василий задумался и после некоторой паузы сказал:

– Тут совсем другое дело. Я не могу сказать, что не питаю к ней совсем ничего, но как женщина она мне стала малоинтересна. Ведь каждая женщина – это особый мир, и одна совершенно не похожа на другую.

– А чем занимается ваша жена? – спросила Лариса.

– Моя жена – бизнесмен средней руки, – ответил Василий. – Ездит за рубеж, покупает товары для сбыта на наших рынках. Раньше торговала сама, теперь держит пять точек...

Лариса подняла глаза на Василия и пристально посмотрела на него, пытаясь что-то отыскать в его глазах. Но они были скрыты «хамелеонами».

Тем не менее она заметила на его лице состояние какой-то тревоги. Он вдруг резко залпом выпил шампанское, извинился и вышел на кухню.

«Что за странности с ним происходят?» – подумала Лари-

са. Может быть, он рассчитывал на то, что она с легкостью отдастся ему, а теперь переживает? Хотя нет... Это выражение тревоги на его лице она заметила уже тогда, когда он вернулся в дом с почтой.

И ее охватило любопытство. Она прошла в соседнюю комнату, которая, по всей видимости, служила Василию рабочим кабинетом. Ее взгляд сразу же упал на бумаги, лежавшие на письменном столе. Именно их и нес в руках Державин.

При других обстоятельствах Лариса бы и не подумала читать чужие бумаги, но поскольку конверт был вскрыт, письмо лежало прямо на столе и текст его бросался в глаза, то она, увидев первые строчки, не могла удержаться...

«Я ВСЕ РАВНО ЕЕ УБЬЮ!!! Убью Татьяну, твою жену! Мне доставит большое удовольствие наблюдать за твоими страданиями. Возможно, даже когда ты будешь читать строки этого письма, я буду где-то неподалеку наблюдать за выражением твоего лица... Конечно, я могла бы просто подстеречь тебя и убить, а потом склониться над твоим мертвым телом и с жадностью и сладострастием слизывать кровь с твоих ран! Но... Я люблю тебя так, как никто никогда не будет любить. Ты для меня самое дорогое и святое, что только может быть на этой грешной земле. Да, я и сама понимаю, что это непонятная, странная и безумная любовь... Мне давно надо было бы позабыть тебя и вычеркнуть из своей жизни, но я ничего не могу с собой поделать! Что ж, до момента истины осталось совсем немного... Готовься и трепещи. НОЧНАЯ

КОБРА».

Лариса невольно передернулась, прочтя эти строки. Что это – бред сивой кобылы, глупый розыгрыш или выверты человека, место которому в психбольнице?

– Что ты тут делаешь? – вдруг резко прозвучал за спиной Ларисы голос Василия.

Она от неожиданности вздрогнула. Потом медленно повернулась и посмотрела прямо в лицо Державину.

– Из-за этого ты так расстроился? – спросила она, незаметно для себя переходя с ним на ты.

– Вообще-то тебя это не касается, – отрезал он и выхватил у Ларисы письмо, пытаясь засунуть его обратно в конверт.

– Ты в милицию обращался?

– Нет, я уверен, что это просто глупые шутки.

– Чьи?

– Мало ли кому может прийти в голову такая ерунда? Я же возвращаюсь в обществе филологов. А среди них очень много людей с психическими отклонениями. И недоброжелателей у меня очень много. Пойдем лучше обратно в гостиную – там еще, кажется, осталось шампанское...

И, мягко обняв Ларису за плечи, Василий повел ее назад. После того как была выпита очередная порция вина, Лариса вдруг вспомнила, что при первой встрече Державин говорил о том, что его очки-«хамелеоны» являются памятью о какой-то девушке.

– Василий, а ты говорил о какой-то печальной истории,

связанной с девушкой. Может быть, это все ее рук дело? – кивнула она в сторону кабинета.

– Эта грустная история случилась еще до жены, – ответил Василий. – Это была моя первая любовь, нам тогда обоим было по шестнадцать. Жил я тогда в Дольске, это в восьмидесяти километрах отсюда. Она жила по соседству, мы учились с ней в одном классе, сидели за одной партой. Словом, типичный школьный роман... Мы с Юлей страстно любили друг друга, но потом я к ней охладел. А она... – Он помедлил. – Ну, словом, она угрожала мне самоубийством.

– И чем же все кончилось?

– Я, конечно, долго не мог ее бросить, я действительно боялся, что она что-нибудь сделает над собой, у нее была слабая нервная система. Я постарался ей внушить мысль о том, что она красивая девушка, которая может еще встретить своего мужчину. Но с психикой у нее было не все в порядке... Ей пришлось даже некоторое время полежать в психушке. Сейчас вроде бы у нее все нормально.

– Так это не может быть она? – Лариса кивнула на письма.

– В принципе я не исключаю подобный вариант, – подумав, сказал Державин. – Но если вдруг даже это и она, то в таком случае угрозы несерьезны.

– Ты уверен?

– Прошло уже восемь лет, – коротко ответил Василий.

– Люди с неустойчивой нервной системой склонны к образованию так называемых сверхценных идей, – заметила Ла-

риса. – Может быть, ты для нее и есть эта самая идея. Это первое письмо, раньше не было ничего подобного?

Василий как-то замешкался, помрачнел еще больше и с неохотой ответил:

– Это уже третье... Черт побери! – неожиданно взорвался он. – Эта «Ночная Кобра», о которой я знать не знаю, описывала с мельчайшими подробностями то, как я провел день, чем, к примеру, завтракал и даже как занимался сексом с женой!

– Может быть, она наблюдает за вами из дома напротив? – высказала свое предположение Лариса. – Вы закрываете шторы?

– Дело в том, что окно спальни выходит на глухую стену. В дом пробраться невозможно, так как края забора покрыты осколками битого стекла.

– Для опытного вора эти примитивные осколки стекла не составляют большой преграды, – возразила Лариса. – Даже мелкие воришки знают, что если использовать специальную обувь или просто уметь лазить по заборах, то можно, совсем не поранившись, проникнуть в дом.

– А я чувствую, что тебя эта история заинтересовала, – Василий поднял на Ларису глаза и посмотрел как-то даже насмешливо.

– Ты знаешь, о чем я сейчас подумала? – не обращая внимания на его насмешливый тон, серьезно спросила Лариса.

– О чем же?

– Что неплохо было бы осмотреть дом. Я хочу сказать, что откуда-то она знает подробности твоего быта, – пояснила Лариса свою мысль.

– Хм... – Василий задумчиво поскреб подбородок, потом решительно взял ее за руку и сказал: – Пошли!

Он провел Ларису в небольшую комнатку. Окна ее действительно выходили на глухую стену. Рядом не было даже дерева, чтобы залезть и подсматривать. Причем окна находились довольно высоко от земли, так что наблюдать со двора, если туда проникнуть, не было никакой возможности.

Лариса осмотрела безвкусно обставленную спальню – ну, в самом деле, не в шкафу же она пряталась! И вдруг взгляд ее неожиданно упал на дырочку в потолке.

– Смотри сюда! – воскликнула она и указала пальцем на потолок.

Василий, нахмурившись, воззрился в указанном направлении. Они оба несколько секунд молча смотрели на щель.

– В самом деле, можно сойти с ума, – сказала наконец Лариса.

Василий неожиданно разразился бранью в адрес Юли.

– Как можно попасть на чердак? – спросила Лариса извергавшего ругательства Василия.

– Через кладовку вверх по лестнице.

– Идем!

Они вышли во двор и вскоре попали на чердак. Кладовая находилась во дворе и была не заперта. Таким образом, че-

ловек, попавший во двор, легко мог бы проникнуть на чердак.

Деревянный настил скрипел при каждом их шаге. Лариса прикинула в уме, где может находиться дыра, увиденная ею в спальне.

Вскоре они с Державиным уже склонились над ней. Лариса прикинула глазом к аккуратному круглому отверстию и убедилась, что через него легко можно рассмотреть, что происходит в спальне. Рядом с ним валялась какая-то кнопка, которая являлась деталью одежды. Она была явно от чего-то женского, с фирменной надписью «Форестье». Лариса констатировала, что впервые встречает подобное название.

Василий легонько отстранил ее и припал к дырке. Та же в свою очередь заинтересовалась кнопкой. Повертев ее в руках, она положила ее в карман, решив не обращать на нее внимание и без того встревоженного Державина.

Василий же, закончив осмотр, бросил на Ларису загадочный взгляд, и неожиданно в черных зрачках плутоватого донжуана запрыгали веселые чертики. Здесь, в полумраке чердака, Лариса восприняла его желание, еще не высказанное вслух, как нечто пугающее.

Державин на полшага подался вперед, и его рука уверенно потянулась к пряди Ларисины волос.

– Я только хотел поправить, – глухо отозвался Василий, когда она дернулась в сторону. – Что с тобой?

Не обращая внимания на то, что Лариса явно не была рас-

положена в данный момент к подобным проявлениям, он все ближе придвигался к ней. Как-то спокойно наклонился и поцеловал ее в шею.

– Не надо, Василий. – Она отвела его руку от своего бедра. Но он еще крепче сжал ее в своих объятиях.

– Не надо! – уже более настойчиво произнесла она, глядя в глаза Державину.

– Почему? – спросил он, продолжая исследовать руками ее тело.

– Я не хочу этого сейчас.

В этот момент она с силой оттолкнула Державина и направилась к выходу с чердака.

Немного погодя они удобно расположились в гостиной и попивали кофе. Она уже более спокойно смотрела на недавние поползновения Державина.

– Это скорее всего просто плод больного воображения, не более того, – вернулась к теме Лариса. – Может быть, эта «кобра» и побывала здесь, на чердаке... Иначе откуда она знает интимные подробности. Просто надо завести более злую собаку, соответствующую надписи на табличке. Насколько я знаю, такие личности, как твоя Юлия, только горазды угрожать, а совершить преступление – на это у них кишка тонка.

– А вот я уже так не думаю... – возразил вдруг Василий. – Дело в том, что она побывала в психушке, после того как мы расстались. Я не могу доверять ее психике – мало ли что там

может проявиться.

– Когда ты видел ее последний раз? – спросила Лариса.

– Семь лет назад, – спокойно ответил Василий и усмехнулся. – Это было еще в Дольске. Сейчас, как я знаю, она живет в Тарасове, но мы с ней так ни разу и не столкнулись.

– Если она после стольких лет никак не успокоится, значит, с крышей у нее действительно беда, – задумчиво сказала Лариса, отставила чашку с кофе и поднялась с места. – Мне сейчас пора. Но все это необходимо тщательно обдумать.

– Ты собираешься размышлять на эту тему? – удивился Василий. – Тебя же это совершенно не касается.

– А у меня такое хобби, – улыбнулась Лариса. – Мне, знаешь ли, не раз приходилось принимать участие во всяких запутанных историях. И нравилось находить правильные ответы.

– Ну что ж, если эта история поможет мне чаще тебя видеть, то я ничего не имею против, – сказал Василий. – Только не вздумай снова приставать ко мне, – предупредила его Лариса. – Если я захочу, то сама пристану.

– Ты привыкла играть активную роль?

– Да, и практически во всем, – ответила она и направилась к выходу.

Глава 3

Когда Лариса вернулась домой, Евгения еще не было.

«Что ж, это неудивительно», – усмехнулась она и прошла в свою комнату переодеваться. Если Евгений говорит, что будет поздно, это вполне может означать, что он вообще не придет ночевать.

Лариса давно уже с этим смирилась, в принципе она была даже рада провести ночь одна, потому что в атмосфере алкогольных паров, которые в изобилии исходили от храпящего Евгения, выспаться вообще не удавалось.

Она прошла в Настину комнату. Дочь сидела за компьютером и увлеченно занималась какой-то новой игрой.

– Настя, ужинать будешь? – спросила Лариса.

Дочь покачала головой, не оборачиваясь. Мать вздохнула и прошла в кухню.

На ужин ей захотелось приготовить что-нибудь легкое, и желательно из морепродуктов. Решив, что коктейль из креветок будет как раз то, что надо, она с увлечением занялась приготовлением ужина. Результат превзошел все ожидания, и у Ларисы даже поднялось настроение после еды.

Она отодвинула тарелку и задумалась о сегодняшнем вечере. Как ни странно, но она больше думала не о Василии, а о его жене. И не только о ней, а еще и о таинственной Юлии Костиковой, первой любви Державина.

Странно, в судьбе этого человека имели место две столь разные женщины. Лариса не была знакома ни с одной, ни с другой, но по его описаниям начала осознавать разницу между ними.

Если Татьяна, судя по словам Василия, любила его ровной, спокойной любовью примерной жены, то у Юлии это была какая-то болезненная страсть. После семи лет разлуки испытывать такие сильные чувства...

Лариса вспомнила свои отношения с Котовым, с которым было прожито более десяти лет, и подумала, что бы почувствовала, если б узнала, что его безумно любит какая-нибудь женщина и хочет быть с ним.

«Господи! – взмолилась Лариса. – Да хоть бы оно так и было, я бы, возможно, только успокоилась!»

И тут, как черт, которого только помяни, появился Евгений собственной персоной. Такого эффектного появления Лариса не помнила давно.

После звонка в дверь на экране домофона возникла встрепанная физиономия Николая Ястребова, президента банка «Двадцать первый век», который финансировал новые бизнес-проекты Евгения.

Лариса, предчувствуя недоброе, спустилась вниз. Открыв дверь, она увидела, как еле стоящий на ногах Ястребов с трудом поддерживает Евгения, который, пьяно покачиваясь, машет каким-то предметом, зажатым в руке. При ближайшем рассмотрении оказалось, что этим предметом является

его собственный башмак, густо перемазанный жуткой грязью, которой, как Лариса твердо знала, не было в радиусе пяти километров от их дома.

Завидев свою благоверную, Котов оттолкнул Ястребова и попытался было продвинуться к Ларисе, но оказалось, что это движение для него чревато самыми плачевными последствиями. Евгения неотвратимо качнуло в сторону, и он красочно вписался в стену, оглашая воздух проклятиями, девяносто процентов которых составляла матерная брань.

– Эт-то что такое? – наконец выдавила из себя Лариса.

– Это я! – радостно провозгласил Котов. – Кгр-мм...

Его красноречивую тираду увенчало басовитое икание, от которого содрогнулись стены подъезда.

– Боже мой! – только и смогла выговорить Лариса. – Боже мой! Ты же совершенно пьян!

– Кто? – искренне изумился Котов и, чтобы снять с себя нелепые подозрения, дыхнул на нее.

Он, конечно же, сжевал целую кучу жевательной резинки «Орбит» тройной свежести, но то ли «Орбит» был не очень свежим, то ли Котов до этого принял слишком много, но Лариса чуть не упала.

– Быстро в дом! – простонала она, едва ли не пинками подталкивая Котова к двери, и повернулась к Ястребову: – Спасибо, Николай, – бросила она ему.

– Д-да не за что, – запинаясь, ответил молодой человек.

– Как же ты машину поведешь в таком состоянии? – спро-

сила Лариса. – Ничего, я же сюда нормально доехал, – как-то неуверенно произнес Николай.

Лариса бросила взгляд на его машину, заметила слегка смятый бампер и усомнилась в словах Ястребова. Но возить-ся с ним ей было некогда, да и неохота, поэтому она еще раз наскоро поблагодарила Николая и поспешила в дом, где впереди по ступенькам с огромным трудом полз на второй этаж Котов.

Наконец он с огромным трудом достиг кухни и повалился на диван перед камином.

– Ну и?.. – выдохнул он из себя.

– Это я бы должна спросить «ну и»! – с возмущением воскликнула Лариса, разглядев, что белая сорочка Евгения в верхней ее части измазана губной помадой, причем разного оттенка.

– Н-нет. Это я тебя спрашиваю: «Ну и что у нас тут?».

И, не дождавшись ответа на этот абсолютно глупейший вопрос, заснул. Проснулся он, тем не менее, довольно скоро – через полчаса. Пройдя в спальню, он включил свет и откинул одеяло, под которым уже удобно устроилась начинавшая засыпать Лариса.

– Нет, я хочу тебя все же спросить! – громко заявил о себе Котов.

– Что? – устало спросила Лариса. – О чем?

– О том, например, где ты сегодня была, что делала... Расскажи об этом... Мужу своему законному.

Котов присел рядом с Ларисой и вплотную придвинулся к ней, давая тем самым ей возможность в мельчайших подробностях разглядеть мазки губной помады на его рубашке. И тут она не выдержала.

– Да ты что, совсем, что ли, охренел? – привстала она на кровати и схватила Котова за грудки. – Ты посмотри, на кого похож! Очки хоть темные надень, а то ведь в глаза твои бесстыжие смотреть противно! Пьянь!

– Это еще почему? – искренне удивился Котов.

– Да потому что ты выглядишь как клоун на арене цирка для алкоголиков и импотентов, – заявила Лариса.

– Чего? – взвился Котов. – Что за намеки?

– А ты помнишь последний день, когда бы ты явился домой не подшофе и был готовым к исполнению супружеского долга?

– Да я и сейчас готов! – с заносчивостью, сделавшей бы честь любому отставному вояке, заявил Евгений.

– Извините, сегодня неприемный день! – съязвила Лариса и, поднявшись с кровати, пошла к выходу из комнаты.

– Ты куда?

– В другую комнату. А ты бы передел рубашечку-то... Вернее, сразу бы выкинул, мне ее стыдно даже в стирку отдавать.

Евгений тут обратил-таки внимание на свою рубашку и придиричиво рассмотрел ее.

– Ну и что! В троллейбусе случайно дотронулся! – муже-

ственно соврал он.

Лариса не выдержала и расхохоталась. Дело было в том, что Котов последний раз пользовался услугами общественного транспорта, по всей видимости, лет эдак пять назад, предпочитая передвигаться в собственном джипе.

Она ночевала в ту ночь в комнате для гостей. А утром, выйдя на кухню и обнаружив там всклокоченного Евгения, который трясущимися руками вскрывал банку пива «Гин-несс», твердо заявила:

– С сегодняшнего дня ввожу новые правила. Если еще раз явишься в пьяном виде – не пушу.

Котов попытался было что-то возразить, но, видимо, его мучило похмелье, поэтому он только устало махнул рукой и сделал большой глоток из спасительной банки.

Но слова Ларисы так или иначе подействовали – следующим вечером Котов явился трезвым, а на следующее утро оставил записку, в которой сообщал, что домой ночевать не придет по причине «большой занятости на работе».

И именно в тот день, ближе к вечеру, когда появления Котова дома не ожидалось, Ларисе позвонил Василий Державин. После ничего не значащих ритуальных фраз он вдруг сказал:

– А ты знаешь, мне пришло еще одно письмо.

– С угрозами? – насторожилась Лариса.

– Да, в адрес жены. Еще более злобное, чем предыдущее. Я даже не знаю, что делать. Татьяна только сегодня утром

вернулась из Греции, она ничего не знает об этом. А если события будут развиваться в таком духе, она может случайно наткнуться на письма, а может быть, даже и... Ну, словом, угрозы могут не быть пустыми.

– Когда пришло письмо?

– Сегодня утром. Я сам вынул его из почтового ящика, еще бы немного, и Татьяна сама бы обнаружила его.

Лариса немного помедлила. Она думала, стоит или не стоит продолжать вмешиваться в это дело, которое ее никоим образом не касается. Но она вспомнила, что сегодняшний вечер у нее абсолютно свободен, к тому же встреча с Державиным наверняка отвлечет ее от семейных проблем. В самом деле: почему Евгению можно, а ей – нельзя?

– Ты знаешь, Василий, я, пожалуй, не против встретиться с тобой сегодня, – прямо сказала она. – Заодно можно будет и обсудить твои проблемы.

– Где мы встретимся? – с готовностью спросил Державин.

– Да можно прямо у меня дома! – с неожиданной смелостью заявила Лариса.

Действительно, чего уж там! Муж явно пустился во все тяжкие, весна на него, бедняжку, свалилась со всей своей гормональной наполненностью. Так что Лариса имеет право на маленькие шалости. К тому же еще непонятно, что может получиться из всего этого. Да и куда-то выходить в этот вечер Ларисе не хотелось. Она только что приняла ванну, голова у нее была мокрая, а дома было слишком уютно...

– Хорошо, я подъеду через час. Только вот... – Василий замялся.

– Мой муж будет поздно, – отрезала Лариса. – Если вообще будет...

– А, ну тогда полный порядок! – радостно констатировал Державин и повесил трубку.

* * *

Татьяну Державину, как всегда, встречала на вокзале личный шофер Валентина. Это была женщина средних лет с грубоватыми, почти мужскими манерами. Татьяна сама отобрала ее среди шести других кандидатов на роль личного водителя.

Мужчина-шофер ей почему-то не импонировал, а женщину она хотела подобрать такую, чтобы ее падкий на женщин муж и взглянуть-то побоялся. В этом смысле Валентина полностью отвечала требованиям: она была стара (в смысле для Василия – ей было тридцать семь лет), интеллектуально неразвита и ужасающе некрасива. В ближайшем рассмотрении она была похожа скорее на вождя китайской революции Мао Цзэдуна, нежели на американскую кинозвезду Джоди Фостер, от которой был без ума муж Татьяны Василий и которую постоянно ставил ей в пример как идеал женщины.

– Татьяна Андреевна, как доехали? – пробасила Валентина, с улыбкой подхватывая хозяйкины дорожные сумки.

– Спасибо, на этот раз лучше, чем обычно, – любезно ответила Татьяна. – Как обстановка дома?

– Дома все так же, как раньше. Василий Александрович ждет вас не дождется...

Татьяна улыбнулась и подумала что-то вроде «ну и пусть себе ждет, это полезно, а то совсем разбалуются».

Василий в ее планах на сегодняшний вечер не значился. Она месяц назад познакомилась с весьма интересным, на ее взгляд, мужчиной, и у них завязался роман.

Татьяна, несмотря на ее профессию, располагавшую к случайным и не обременительным связям – она была коммерсантом-челноком, привозила шубы из Греции и продавала их на тарасовском рынке, – мужу почти не изменяла. «Почти» раньше означало парочку ни к чему не обязывающих связей в год. Но вот месяц назад ситуация резко изменилась.

Почему-то в своем новом знакомом, который так же, как и она, являлся бизнесменом, только более высокого уровня, Татьяна усмотрела нечто такое, что ее зацепило.

Он был женат, и в браке у него были какие-то проблемы. Ко всему прочему бизнесмен, что называется, попивал, а какой жене это понравится? Не понравилось бы и Татьяне, но она не была его жена... А это, как говорится, две большие разницы. С Василием, несмотря ни на что, она разводиться не собиралась. Он ее вполне устраивал.

Муж встретил ее как-то нервно. Неестественно смеялся, шутил невпопад, скороговоркой спросил, как дела... А когда

Василий нацепил галстук и надел новый костюм, Татьяна поняла, что он сегодня явно не намерен уделять ей внимание.

– Ты что, куда-то собираешься? – равнодушно спросила она.

– Да, у нас тусовка в Союзе писателей, – бодро ответил Василий. – Тут в прошлое воскресенье на награждении договорились кое о чем, надо решить организационные вопросы.

– И охота тебе молоть попусту языком! – отмахнулась Татьяна. – Лучше бы бизнесом занялся.

– Ты же знаешь, Таня, у меня нет для этого абсолютно никаких способностей.

Татьяна вздохнула. Она, разумеется, об этом прекрасно знала. Да, собственно, ей было все равно, куда отправляется Василий, так как она сама планировала сегодня встречу со своим новым любовником. И даже настояла на том, чтобы Василия на заседание Союза писателей отвезла Валентина. Сама Татьяна из соображений конспирации решила двинуться к месту встречи своим ходом.

– А ты где будешь вечером? Отдыхать дома? – спросил Василий, наклоняясь к Татьяне для ритуального поцелуя.

От наблюдательной жены не укрылся тот факт, что от мужа исходил запах дорогой туалетной воды и что его обычно непокорная щетина очень гладко выбрита.

«Наверняка идет бляд...!» – подумала Татьяна.

Еще год назад подобная мысль привела бы ее в бешенство, но сегодня она совершенно спокойно восприняла это

как данность.

– Нет, я скорее всего схожу к подруге.

– К Ольге? – спросил Василий.

– К Милене, ты ее не знаешь, мы познакомились только в этом рейсе. Там надо обсудить дела, она обещала поделиться со мной одним каналом для сбыта шмотья.

– Отлично, – констатировал Василий, изобразив улыбку, которую скорее можно было назвать вежливой, чем теплой и искренней.

Татьянины коммерческие дела ему, так же как и его поэтические ей, были абсолютно «по барабану». А имя новой подруги его заинтересовало.

– Интересное имя – Милена... – проговорил он.

– Только имя? – насмешливо спросила Татьяна и, выдержав паузу, отрезала: – Она не в твоём вкусе. Да и ты, откровенно говоря, тоже не в ее.

Василий равнодушно пожал плечами и спросил:

– Во сколько придешь?

– Могу задержаться допоздна, – неопределенно ответила Татьяна. – Машину брать не буду, меня довезет обратно ее супруг. Он, в отличие от некоторых, не будем показывать пальцем, сам водит машину.

Она бросила на мужа слегка презрительный взгляд и исчезла в своей кухне.

Впрочем, Василий и не подумал расстраиваться по поводу этой внезапно возникшей напряженности в их отношении.

ях. Он лишь поиграл бровями, скорчил скептическую физиономию и, бросив последний взгляд на удаляющуюся фигуру жены, вышел на кухню, а потом проследовал к входной двери.

Татьяна же, проводив мужа, принялась за маникюр. Тщательно обрабатывая ногти, она вдруг задумалась над тем, что связало ее в свое время с Василием. Брак этот был рожден не только страстной любовью двух молодых людей, но и сложившимися обстоятельствами.

Впрочем, нет, об этом сегодня вспоминать не стоит. Сегодня у нее совершенно другое намерение, не имеющее ничего общего с тем, что было много лет назад. Много изменилось в ее жизни, и, возможно, только сейчас она начинает жить по-настоящему.

На сборы у Татьяны ушло где-то около часа. Она надела розовую кофточку, кожаную юбку, набросила поверх новое серое пальто и вышла из дому. Спокойно дойдя до магистральной улицы, она довольно скоро поймала машину и поехала к месту встречи.

Поднявшись на третий этаж девятиэтажки, позвонила. Ей быстро открыли. Это был он, еще не лишенный привлекательности высокий brunet с чуть посеребренными сединой висками.

– Гена, привет! – Татьяна игриво чмокнула мужчину в губы.

– Танечка, я очень рад, что у тебя все нормально, – отве-

тил тот.

– Да, я сегодня приехала и сразу поспешила к тебе.

– Очень хорошо. Проходи, располагайся.

Татьяна прошла в комнату и тут же опустилась в мягкое кресло.

– Мартини, – коротко сказал ей хозяин квартиры, наливая в бокал вино.

– Отлично, – ответила она и начала медленно цедить напиток. – Как у тебя дела?

– Если не считать того, что ко мне пришла ты, в остальном дела прескверные. На работе – застой, дома – злобная жена.

– Что же она злобствует? – поинтересовалась Татьяна.

– Мы с ней давно чужие люди. Только ребенок и связывает.

– Прямо как у меня, – усмехнулась Державина. – Только ребенка нет. Пока...

Она вздохнула, поставила бокал на стол и с какой-то нежностью посмотрела на своего собеседника. Было видно, что она желает сейчас ласки и тепла, которые не может получить ни от кого другого. Он почувствовал это настроение и приблизился к ней. Сначала он начал ее целовать ласково, едва касаясь губами щек и шеи, потом все более страстно, опускаясь все ниже. Расстегнув кофточку, он начал ласкать ее грудь.

– Пойдем туда, – шепнула Татьяна, указывая на кровать.

– Пойдем, – согласился Гена. – Только я сейчас включу

видик, чтобы было интереснее.

Он подошел к видеомагнитофону и включил его. На экране тотчас же возникли голые мужчина и женщина, которые извивались в страсти совокупления.

– Тебя это возбуждает? – спросила Татьяна.

– Да, мне что-то в последнее время стали необходимы дополнительные стимуляторы, – смущенно признался Гена. – Возраст, видимо...

– Может быть, – согласилась Татьяна, в свою очередь покосившись на пустые бутылки из-под джина и мартини, которые стояли на подоконнике.

Она знала, что ее любовник крепко выпивает, и была уверена, что в значительной степени в этом причина его несостоятельности в интимной сфере. Но она не стала говорить об этом вслух. Тем более что сегодня вроде бы у него все в порядке. По телу Татьяны пробежала дрожь. Она находилась в предчувствии наслаждения...

...Когда все закончилось, она заснула безмятежным сном. И проснулась, когда зазвенел будильник, который она поставила специально на девять часов вечера. Пленка на видеомагнитофоне давно уже кончилась, и на экране была только рябь. Любовник Татьяны тоже спал, его не разбудил даже звонок будильника.

Она встала и, слегка позевывая, оделась. Наложив на себя макияж, она разбудила хозяина квартиры.

– Геночка, мне, к сожалению, пора, – сказала она.

– Что? – тот спросонья не понял, о чем идет речь.

– Мне пора к мужу, – вздохнув, сказала Татьяна.

– А, я тебя п-провожу, – нетвердым голосом ответил Гена.

– Не надо, я доеду сама.

– Но у меня там стоит джип, я вполне в состоянии довезти тебя.

– Не надо, – мягко остановила она его и поцеловала.

И, не желая больше ничего слышать, стремительно направилась к выходу. Быстро спустившись по лестнице вниз, она вышла из подъезда и повернула налево, в арку. Сейчас она должна будет поймать машину и через полчаса окажется дома.

Однако, выйдя из арки, она обратила внимание на автомобиль, который стоял на противоположной стороне улицы. Она прищурила глаза, повнимательнее вгляделась и... сердце ее похолодело. Татьяна узнала того, кого совершенно не ожидала здесь увидеть. И поняла, что сегодняшний вечер закончится для нее не самым лучшим образом.

Глава 4

До приезда Державина Лариса успела высушить голову, но переодеваться не стала – очень уж комфортно чувствовала она себя в свободных домашних брюках и футболке. Она даже макияж не стала накладывать.

Державин приехал ровно через час с букетом роз. Подивившись в душе их довольно редкому оттенку, Лариса подумала, что Василию пришлось потратить немало усилий, чтобы найти такой букет.

– Спасибо, я приятно удивлена, – с улыбкой сказала она. Однако от нее не укрылось мрачное выражение лица Василия.

– Переживаешь из-за письма? – спросила она, проведя его в гостиную. – Кстати, ты не взял его?

– Да, оно у меня с собой, – сказал Державин, доставая из кармана светло-серого пиджака белый конверт и протягивая его Ларисе.

Та взяла письмо и развернула. Оно оказалось совсем коротким.

«Мой час скоро пробьет, – прочитала Лариса первую строчку и почувствовала, как по спине пробежали мурашки. – Ждать осталось совсем недолго. Я и так слишком долго ждала... А теперь жди ты, жди и содрогайся каждую минуту, потому что то, что ты испытываешь сейчас, эти конвульсии

твоего холеного лица – это все ничто в сравнении с теми муками, которые будут терзать тебя после. НОЧНАЯ КОБРА».

– Господи, она же ненормальная! – вырвалось у Ларисы. Она сложила письмо и отдала его Василию. – Возьми, мне даже в руках его держать неприятно...

– А ты думаешь, я испытываю положительные эмоции? – усмехнулся тот. – Я просто места себе не нахожу! И она еще пишет, что это ничто! До чего же она хочет меня довести, до самоубийства, что ли?

– Ну, не надо впадать в пессимизм, – возразила Лариса. – Ты должен составить план действий, принять конкретные меры. Почему бы тебе не подумать об охране своей жены? У нее же, по-моему, достаточно средств для этого.

– Да, а как я ей все объясню? – поднял глаза Василий. – Не могу же я сказать – ты знаешь, дорогая, одна сумасшедшая, с которой у меня когда-то была связь, теперь собирается тебя убить!

– Но ты понимаешь, что обстановка накаляется! Что ситуация стала критической. И в данном случае, на мой взгляд, совершенно неразумно играть в молчанку.

– Ох, не знаю... – сокрушенно покачал головой Державин. – Я не могу и не хочу портить свои семейные отношения еще и этим. А вдруг это все просто бред и ничто на самом деле не угрожает Татьяне? А я сейчас влезу с этим дурацким разговором и все испорчу?

Они с Ларисой сидели за столом и ели курицу с абрикото-

сами, запивая ее белым вином.

Василий молча ковырял вилкой в тарелке. Взгляд его был сосредоточенным, на лбу пролегли морщины. Казалось, он мучительно что-то обдумывает.

– Хорошо, – вдруг сказал он, откидываясь на спинку стула. – Я подумаю над твоими словами насчет охраны. Наверное, это все-таки необходимо сделать. Вот только мотивировать надо как-то по-другому, тебе ничего не приходит в голову?

– Нет, – решительно покачала головой Лариса. – Прости, но я не совсем понимаю отношения, которые сложились в твоей семье.

Ларису начало раздражать какое-то неуверенное поведение Державина, и она не старалась выбирать выражения помягче. Василий почувствовал ее настроение и нахмурился. Потом он вдруг встал, подошел к Ларисе и положил руку ей на плечо.

– Извини, – мягко произнес он. – Я загрузил тебя своими проблемами. Я же говорил, что в моей семье не все гладко.

Василий начал гладить ее волосы. Она некоторое время молчала, потом убрала его руку.

– Не надо, – сказала она. – У меня Настя дома, в любой момент может войти, я не хочу разборок с дочерью!

– Хорошо... – обиженно произнес Державин, возвращаясь на свое место. – Давай не будем сегодня больше говорить об этом. Это действительно мои проблемы, и я должен ре-

шить их сам.

Державин подлил себе в бокал вина и задумался. И тут вдруг раздался звонок в дверь, который прозвучал как-то очень настойчиво.

Лариса невольно вздрогнула и встала. «Неужели Котов вернулся? – направляясь к домофону, подумала она. – Что, уже и в замочную скважину ключом попасть не может?» Для гостей время было уже позднее.

Она нажала на кнопку, и на дисплее увидела изображение совершенно незнакомой женщины. Это была полная широкоплечая дама лет сорока. Выглядела она достаточно грубовато, можно даже сказать, мужеподобно. Она была в мужской кепке-«жириновке», потертой кожаной куртке мужского фасона. Единственное, что выдавало в ней женщину, – ярко накрашенные губы на ее скуластом монголоидного типа лице. В руках она держала зажженную сигарету. По ее лицу было видно, что она чем-то обеспокоена.

– Кто это? – спросил Василий.

– Не знаю. Какая-то женщина, мне она незнакома.

Лариса нажала еще на одну кнопку и спросила в динамик:

– Вам кого?

– Василий здесь? – коротко спросила незнакомка.

Голос у нее был также грубоват и походил на мужской.

– Да, – несколько удивленно ответила Лариса. – Позвать его?

– Да, пожалуйста, – попросила женщина. – Скажите, Ва-

лентина пришла.

– Сейчас, одну минутку... Василий, это к тебе, какая-то Валентина, – бросила Лариса, недоумевая, что может связывать Державина с этой особой.

– Что? – Державин вдруг резко вскочил с места. – Ах, да, – произнес он торопливо, взглянув на наручные часы.

Он подошел к Ларисе и спросил в динамик:

– Валентина, что случилось? Почему так рано?

– Разрешите мне войти, – грубо отреагировала Валентина. – Я все объясню.

– Черт-те что, – буркнул себе под нос Василий.

По его виду было ясно, что он крайне недоволен появлением этой женщины.

– Это моя шоферша, я велел ей заехать за мной в двенадцать, а сейчас только десять, – объяснил он по ходу Ларисе, когда они вместе спускались по лестнице на первый этаж, чтобы впустить Валентину в дом.

Когда дверь открылась, та сразу же бросилась к Державину.

– Василий Александрович, случилось нехорошее...

– Что? – бледнея, выкрикнул Василий, хватая женщину за плечи. – Да говорите же!

– Татьяну Андреевну нашли мертвую, – ответила та.

Василий резко отпустил ее и шагнул назад. Лариса, стоявшая в проходе, подошла к нему и взяла за руку.

– Там милиция приехала, – продолжала тем временем Ва-

лентина. – Вас спрашивают. Я сказала, не знаю, где вы. Они меня поспрашивали и отпустили, ждать вас там остались. А я вот приехала сказать. От знакомого человека все-таки легче узнать...

Лариса подумала, что такое горестное известие одинаково страшно узнать от любого человека. Она посмотрела Василию в лицо. На нем читалось выражение какой-то растерянности и одновременно тоски.

– Господи, что я наделал... – машинально сжав Ларисину руку так, что ей стало больно, прошептал он. – Это я во всем виноват...

– Успокойтесь, – как можно мягче произнесла Лариса, умышленно называя Державина на вы, чтобы ситуация не выглядела двусмысленной в глазах Валентины.

– Я немедленно должен ехать! – сказал Василий, и глаза его загорелись каким-то бешеным огнем.

– Конечно, – согласилась Лариса, отстраняясь.

– Поедешь со мной? – в упор посмотрел он на нее.

– Я? – несколько растерялась Лариса и перевела взгляд на Валентину.

Та угрюмо стояла у двери, не зная, куда деть свои большие руки.

– Но с какой стати я поеду? Это будет выглядеть как-то странно, – ответила она.

– Нет, я прошу тебя, мне сейчас просто необходима поддержка, – нервно бросил Василий и порывисто прошел к ве-

шалке, где висел его плащ.

* * *

Милиция в лице знакомого Ларисе по прошлым ее приключениям капитана Карташова встретила Державина сухо. У самого Карташова, который был за старшего, болели зубы, и он не смог любезничать даже с Ларисой, которой был обязан раскрытием одного очень запутанного дела.

Он, безусловно, узнал ее и даже не удивился, увидев рядом с человеком, у которого только что убили жену. Он лишь пробормотал:

– Опять вы лезете поперек батьки...

– Ну, просто так получилось, капитан, – извиняющимся тоном ответила Лариса.

– Просто так ничего не бывает, – изрек он свою любимую фразу.

Потом, поморщившись от приступа боли, он схватился за щеку и сквозь зубы произнес:

– Татьяна Державина была найдена мертвой час назад на пустыре в районе городского парка. Перед смертью женщина подверглась садистским истязаниям. Тело Татьяны было изрезано лезвием и исколото ножом – всего, кажется, около тридцати ран. Голова погибшей была подвергнута удару каким-то металлическим предметом. Следов изнасилования по первым признакам нет...

– Черт, но кто мог предполагать! – завертелся ужом на месте Василий, выслушав протокольную речь Карташова.

– Мне кажется, необходимо рассказать о письмах, – встала Лариса. – Судя по всему, если было так много ран, ее убивал не вполне психически нормальный человек.

– Что за письма? – спросил Карташов, и Ларисе показалось, что капитан был бы рад, если бы никаких писем не было, а Татьяна бы непостижимым образом воскресла.

Тогда он бы отправился к зубному врачу, и ему бы немного полегчало.

– В течение двух недель к ним приходили письма с угрозами в адрес убитой, – пояснила Лариса, не обращая внимания на страдания милиционера.

– И почему же вы молчали? – поднял тот глаза на Державина.

Василий на мгновение замешкался, но потом четко и, как показалось Ларисе, даже агрессивно ответил:

– Да потому, что я и предполагать не мог, что эта маньячка способна на такое!

– Что за маньячка? Кого вы подозреваете?

– Какая-то «ночная кобра». – Державин бросился к себе в кабинет и принес капитану письма.

Тот, постоянно морщась от боли, прочел письма и презрительно откинул их на край стола.

– Занятно, занятно... – пробурчал он. – «Ночная кобра», значит... Н-да...

– Что «н-да»? – с вызовом спросил Василий, который, казалось, начал осознавать случившееся, и ему явно не понравилось то, как равнодушно капитан относится к его личному горю.

Карташов поднял на него глаза, внимательно посмотрел и жестом подозвал одного из своих подчиненных. Тот, ни слова не говоря, подал капитану какую-то книжку в мягкой обложке.

Карташов бросил книгу на стол. Лариса тут же прочла название и фамилию автора: «Марина Николаева. Ночная кобра».

– Эта книга лежала прямо на трупе, – пояснил он. – Убийца, по всей видимости, засунул эту книгу ей под кофточку.

Василий потянулся за книгой, и выражение его глаз было каким-то бешеным.

– Марина Николаева? – спросил он как бы сам себя.

– Да, а что, вы ее знаете? – Карташов, несмотря на зубную боль, не потерял способности быстро реагировать.

– Нет, – протянул Василий. – Но...

– Что «но»?

– Но дело в том, что это, похоже, производство нашего тарасовского издательства «Аквариус». – Державин открыл книгу на странице, где были указаны выходные данные.

– Значит, писательница местная, что ли?

– Наверняка. Вы можете мне поверить, я тоже литератор, филолог. Только Марина Николаева – скорее всего, псевдо-

ним. Такое чтение, – Державин презрительно окинул взглядом детектив, – издается под псевдонимами. Некоторые литераторы у нас так подрабатывают на кусок хлеба.

– Так вы не знаете такую писательницу?

– Нет, – твердо сказал Державин.

– Впрочем, может быть, она здесь абсолютно ни при чем, – встряла в разговор Лариса. – Мало ли кто любит какие символы! Женщины – они народ такой, что могут съехать на какой-нибудь ерунде, придумать себе звучное прозвище – например, Ночная Кобра. Начитаются детективов, а потом выходят на большую дорогу.

– Ладно, разбираться будем, кто выходит и почему, – бросил Карташов. – Нам скорее всего пора. Мы свою миссию выполнили. А вам, конечно, мы выражаем соболезнования. – Он пожал руку Державину. – Ко мне в кабинет для беседы я прошу вас пожаловать в час дня.

Он выдал Державину повестку, на которой размашисто написал: «13.00».

– А почему вы так быстро ее опознали? – поинтересовалась Лариса.

– В кармане у нее мы обнаружили лицензию на право торговли, выписанную на имя Державиной Татьяны Анатольевны, – неохотно ответил Карташов. – Лариса Викторовна, если не ошибаюсь...

– Да, вы абсолютно правы, – подтвердила Лариса.

– Так вот, Лариса Викторовна, – капитан на секунду оста-

новился. — У меня очень болят зубы. Если я не смогу найти преступника, то вы, надеюсь, мне снова в этом поможете?

— Ну уж нет, — запротестовала она. — На этот раз вы будете действовать сами. А то еще обвините меня в том, что я во всем виновата.

— Бросьте вы! — выдавил из себя улыбку Карташов. — Мне же понятно, что это у вас получается непроизвольно, влезать туда, где вроде бы вам делать нечего.

— Вот именно, что «вроде бы», — поддела его Лариса. — На самом деле все оказывается совсем по-другому.

Карташов не стал отвечать на последнюю ее фразу, а решительно направился к выходу.

Когда милиционеры покинули квартиру Державиных, Лариса засобиралась и сама. Она взяла свою сумку и двинулась было к выходу. Василий в это время сидел, закрыв лицо руками. Через некоторое время он поднялся с места, подошел к бару и достал из него початую бутылку коньяка. Налив прямо в стакан граммов сто, он одним махом опрокинул их в рот. Потом постоял немного и налил еще.

Лариса неодобрительно следила за его действиями. Затем повесила сумку на вешалку, подошла и, положив руку Василию на плечо, мягко сказала:

— Не надо. От этого станет только хуже.

— Это я во всем виноват... — пробормотал он и выпил коньяк.

Он тяжело опустился на стул и свесил голову на грудь.

Лариса придвинула себе второй стул и села рядом, положив свою ладонь ему на плечо.

– Послушай, – стараясь быть убедительной, сказала Лариса. – Какой смысл терзать себя угрызениями совести, если ничего уже исправить нельзя? Не лучше ли сейчас направить свою энергию на то, чтобы найти преступника? От этого будет гораздо больше пользы.

Василий будто и не слышал, о чем говорит Лариса. Потом он поднял голову и тупо уставился в угол.

Она вздохнула и попыталась продолжить:

– Если ты начнешь пить, то лучше тебе от этого не станет.

– Это я во всем виноват... – как заведенный повторял Василий.

Потом он перевел взгляд на стакан, который вертел в руках, как-то удивленно посмотрел на него и вдруг с размаху швырнул им об стену.

Зазвенели осколки, из кухни выглянула испуганная Валентина. Лариса сделала ей знак, чтобы та ушла, и она исчезла.

Лариса решительно пошла к вешалке, взяла свою сумку и спокойно и четко сказала:

– Если тебе нравится сидеть здесь, ныть и закатывать истерики, то можешь продолжать в том же духе. А я тебе в таких делах не союзник.

С этими словами она направилась к двери.

– Лариса... – голос Василия был глухим и напряженным. –

Не уходи.

– А что мне здесь делать? Смотреть на твои пьяные выходы?

Василий поморщился, потом взял бутылку и выпил остатки прямо из горлышка.

– А ты, конечно, всегда поступаешь правильно? – пьяно ухмыляясь, спросил он. – Тебя ничто не может вывести из себя, да?

Та обратила внимание на то, что он уже нетвердо держится на ногах и язык его заплетается. Решив, что в подобном состоянии дискутировать с ним бессмысленно, она лишь вздохнула про себя, собираясь уйти.

Но Василий потащился за ней в прихожую.

– Нет, подожди! – Он схватил Ларису за руку. – Выслушай, что я хочу сказать.

– Я выслушаю, когда ты будешь в состоянии контролировать свои слова.

– А я, значит, не в состоянии? – не унимался Василий.

«Господи, какие мужчины все одинаковые, когда выпьют!» – подивилась про себя Лариса, вспоминая Котова, и вырвала руку.

Василий покачнулся и чуть было не упал, но успел ухватиться за дверную ручку. Постояв так некоторое время, он махнул рукой и вернулся в гостиную. Заглянув туда спустя некоторое время, Лариса увидела, что он спит прямо за столом, а рядом валяется пустая бутылка.

В этот момент появилась Валентина. Посмотрев на хозяйина, она нахмурилась.

– Побудьте с ним, его нельзя сейчас оставлять одного, – попросила ее Лариса.

– Да, конечно, – глухо пробасила в ответ та. – У меня вообще-то утром личные дела, но ничего, я позвоню его матери, она приедет.

– Очень хорошо, – сказала на прощание Лариса, вышла во двор и умчалась на своем «Вольво».

Приехав домой и направившись напрямиком в ванную, она отметила два факта, актуальных на данный момент. Первый заключался в том, что Евгения нет и, следовательно, он в очередной раз загулял. А второй – что она вляпалась в очередную криминальную историю.

Собственно, и то и другое уже становилось привычным для нее.

Глава 5

Лариса встретила с Державиным утром следующего дня. Она перед работой заехала к нему домой.

Василий выглядел, конечно, мрачно и подавленно, однако держался вполне достойно. Он сразу провел ее в комнату, упреждая вопросы приехавшей к нему матери о том, кто эта женщина. Он принес гостье кофе и уселся рядом с ней.

– Мне, конечно, сейчас сложно, сама понимаешь, – сказал он. – Но я стараюсь не распускать себя.

– Молодец, – похвалила его Лариса. – Я ночью думала об этом деле...

– А это правда, что у тебя было несколько приключений криминального жанра? – перебил ее Василий. – Во всяком случае, я сделал такой вывод из слов капитана Карташова.

– Да, – призналась Лариса. – Если ты не против, я могу принять участие и в этом деле.

Василий нахмурился, долго смотрел на полированную поверхность стола, потом поднял глаза и произнес:

– Конечно, не буду против. Только зачем тебе это все надо?

– Я не задаю себе таких вопросов, – отрезала Лариса. – Просто так получается... Я, кстати, подумала, что если принять на веру утверждение о том, что книга некоей Марины Николаевой не случайно оказалась рядом с телом, то следует

направить свои усилия на поиски этой самой авторши.

– Сама же говорила, что она может и не иметь отношения к убийству.

– Но может и иметь, – возразила Лариса. – Кстати, твоя давнишняя любовь, как ее...

– Юлия Костикова?

– Да. Она не могла скрываться под именем Марины Николаевой?

– Вряд ли... Иначе я бы знал ее по литтусовке нашего города, – ответил Василий. – К тому же, насколько я помню, Юлия никогда не испытывала особой тяги к литературе.

– Так, значит, ты вполне можешь знать эту самую Марину Николаеву?

– Могу и знать, – согласился Державин. – Но чисто визуально. Так или иначе, даже в миллионном городе литературная общественность ограничена. Все знают про всех. Только непонятно, кто скрывается за этим псевдонимом.

– А это точно, что детективы пишутся в нашем городе?

– Абсолютно точно. Я лично этим не занимаюсь, но... Значительное число выпускников нашего филфака подключены к созданию произведений этого жанра. Естественно, под псевдонимами.

– Так, может быть, кого-то из них знаю и я – по воскресному сборищу в театре оперы.

– Да, вполне. Кстати, главный редактор издательства «Аквариус», которое, собственно, и издает всю эту муру, – Дер-

жавин показал глазами на книжку Николаевой, – Александр Владимирович Лихоимцев там присутствовал. Помнишь такого седовласого высокого мужчину в очках?

– Да-да, припоминаю, – сказала Лариса. – Он, кажется, очень любит выпить.

– Кто из литераторов не любит! – воскликнул Державин. – Теперь и мне только и останется, что запить...

Лариса ничего не сказала, лишь в знак сочувствия к его горю крепко пожала ему руку.

– Так, значит, Лихоимцев, да? – задумчиво произнесла Лариса.

– Да, а что? – встрепенулся Василий.

– Ничего. Может быть, я сегодня с ним встречусь.

– Зачем?

– Поговорить о том о сем... Ты не беспокойся, я вреда не причиню.

– В каком смысле? – насторожился Державин. – Ты хочешь начать самостоятельное расследование?

– Ну, это уж как получится, – уклончиво сказала Лариса. – Мне пора на работу, в ресторан.

Она встала, еще раз пожала руку Державину и направилась к выходу.

– Так ты что, все же примешь участие в этом деле? – с беспокойством спросил Василий, когда прощался с Ларисой у двери.

– Скорее нет, чем да, – ответила она и направилась к своей

машине.

Она лукавила с Василием, решив не причинять ему лишнего в это трудное для него время беспокойства. Пробыв в ресторане с час и уладив рутинные каждодневные проблемы, она снова села в свою машину и поехала в издательство «Аквариус».

Она поднялась на второй этаж большого здания из стекла и бетона, где наряду со многими другими коммерческими фирмами арендовало помещение издательство.

Молоденькая секретарша попросила ее подождать и исчезла за дверью кабинета, но буквально через несколько секунд вернулась.

– Проходите, пожалуйста, Лариса Викторовна! – мелодично пропела она. – Александр Владимирович вас примет.

Она открыла дверь кабинета и увидела сидящего за столом худощавого мужчину в очках. Да, это был он, тот самый человек, который после скандала, учиненного Котовым, составил компанию трем номинантам премии «Золотое перо». Лихоимцев посмотрел на Ларису поверх очков и пригласил ее сесть.

– Чем могу служить? – подчеркнуто вежливо осведомился он. – Вы по поводу романов? Начинающая писательница?

– Нет, я директор ресторана «Чайка» Лариса Котова. Вы должны меня помнить по банкету в оперном театре. Помните, в прошедшее воскресенье.

– А, да-да-да! – Лихоимцев расплылся в улыбке. – Вы, как

всегда, прекрасно выглядите!

– Спасибо.

– Не за что, это не комплимент, а констатация факта! – Лихоимцев даже несколько смутился. – Но... Что вас привело ко мне?

– Дело в том, что меня очень интересует одна писательница, сотрудничающая с вашим издательством. Ее имя Марина Николаева. Мне очень нравятся ее романы, я хотела бы с ней познакомиться.

– Это не по моей части, – после некоторого раздумья произнес Лихоимцев.

– Не поняла...

– Дело в том, что я лично видел Марину Николаеву один раз. Она у нас, знаете ли, инкогнито... – Лихоимцев сделал выразительное лицо, которое свидетельствовало примерно следующее: «Ну, вы же знаете, все писатели с придурью». – И честно скажу, она произвела на меня не очень хорошее впечатление.

– Что же вас так неприятно в ней удивило?

– Эта дама вела себя странно. Она была абсолютно непохожа на творческую натуру, а уж, поверьте мне, своего человека я из толпы узнаю... Через меня не один автор прошел. Да я и сам пробую немножко, – кокетливо добавил он. – Дело в другом. Когда она что-то говорила по вопросам оплаты, даже по поводу жанра и стиля произведения, обсуждения синопсиса, ну, то есть поглавного плана, она все время

оглядывалась на мужа, который сидел рядом. Я даже один раз услышал, как она переспросила его – правильно она отвечает или нет. Обсуждался герой ее романа, а она советовалась с мужем. Это выглядело даже забавно. Вообще у меня сложилось впечатление, что муж дает основную идею, а она уже ее разрабатывает. Скорее всего это творческий союз... А нам не все ли равно! – махнул рукой Лихоимцев. – А потом, ее внешность! Какая-то заплатанная кофточка, туфли, выдержавшие, наверное, сезонов шесть. Ее муж, хоть и выглядел тоже не бог весть как, все же одет был получше ее.

– Так вы видели ее только один раз? – удивленно спросила Лариса.

– Да, а потом все контакты с издательством взял на себя ее муж. Она и не появлялась больше здесь. Собственно, нам-то все равно, лишь бы романы писались, издавались и покупались.

– А какого мнения вы о Марине Николаевой как о писательнице?

– Ну, Николаева – это ведущий автор нашего издательства, – улыбнулся Лихоимцев. – Ее романы пользуются большой популярностью. Знаете, внешний вид часто является отражением внутреннего мира. Если предположить, что они пишут вдвоем, то в романах Николаевой отразилась и собственно шизофрения и эксцентричность самой этой дамочки и некоторое высокомерие ее мужа. Когда читаешь ее произведения, складывается впечатление, что находишься пря-

мо на месте событий и убийца всегда рядом. И всегда тот, на кого не думаешь. Прямо-таки ядовитое перо.

Лихоимцев закончил фразу и в упор посмотрел на Ларису. Он как бы давал ей понять, что он сказал все, что мог.

– Понятно, Александр Владимирович, значит, здесь я найти ее не могу, – сказала Лариса. – Но, может быть, вы подскажете мне ее адрес?

Лихоимцев выразительно и несколько недоуменно посмотрел на Ларису. Та отреагировала правильно:

– Я вас отблагодарю.

Она достала из принесенного с собой пакета бутылку дорогого французского коньяка «Гастон де Лагранж» и поставила ее на стол перед Лихоимцевым.

– И милости прошу как-нибудь в мой ресторан. Для вас это не будет стоить нисколько, – присовокупила приглашение к бутылке коньяка Лариса.

– Нет проблем, Лариса Викторовна, нет проблем, – с улыбкой выдержав паузу, сказал Лихоимцев, убрал бутылку в шкаф и полез в какую-то папку на столе.

Вынув оттуда листок бумаги, он продиктовал адрес.

– Это ее последняя квартира. Она их часто меняет... И, кстати, от нее у нас давно нет никаких известий. Свой очередной роман она должна была сдать еще неделю назад, но в издательстве ее муж, который к нам постоянно ходит вместо нее, не появился. И дома застать ее не можем...

– А до этого у вас бывали такие случаи?

– До этого ее муж всегда исправно приходил каждый понедельник. И если уж что-то случалось, то всегда звонил, предупреждал и извинялся. Поэтому я думаю, что там у них происходит что-то непонятное. – Скажите, а Николаева – это настоящая фамилия или псевдоним? – увела разговор в другую область Лариса.

– Ну конечно же, псевдоним, – улыбнулся Лихоимцев. – Нужно же позаботиться о том, чтобы фамилия звучала просто и одновременно заманчиво. На покупателя же рассчитано!

– А настоящая фамилия Николаевой вам известна?

– Увы! – Лихоимцев развел руками. – Она же женщина со странностями, наотрез отказалась ее назвать.

– А, пардон... Вы же платите гонорары?

– Безусловно, и вполне законно, без черного нала-с, – заверил Ларису Лихоимцев, склоняя голову перед ней, словно это являлось дополнительным аргументом в пользу правдивости его слов.

– Но как же тогда? – удивилась Лариса. – Она же должна была предъявить документы!

– Дело в том, что деньги за нее получал всегда муж.

– А почему?

– Ну, уж этого я не знаю. Видимо, он в их семье финансовый директор. – Лихоимцев улыбнулся.

– А его фамилия как?

– Чернышов. Дмитрий Чернышов.

– Это по паспорту? – уточнила Лариса.

– Ну да!

– А отчество?

Лихоимцев нехотя полез в стол. Порывшись там в куче разных бумажек, он извлек одну из них и прочитал:

– Анатолевич. Дмитрий Анатолевич. А... Гм... Позвольте полюбопытствовать, – Лихоимцев, прищурившись, посмотрел на Ларису. – Откуда такой интерес к персоне Марины Николаевой и ее мужу?

– Это связано с одним довольно интересным для меня делом. Мне бы не хотелось уточнять каким, тем более что вы и так скоро об этом узнаете, – Лариса улыбнулась, представив, как в скором времени Лихоимцев будет вынужден отвечать по несколько раз на вопросы, которые сегодня задавала ему она, представителям правоохранительных органов.

– Ну-с, не хотите говорить, не надо. – Лихоимцев мечтал перейти к процедуре дегустации коньяка, и интерес ее к Николаевой его уже мало волновал.

Лариса тем временем поднялась со стула и собралась уходить. И тут Лихоимцев вдруг предложил ей попробовать свои силы в писательстве детективных романов. Она вежливо отказалась, ссылаясь на то, что работа в ресторане отнимает много времени и что у нее вообще отсутствует тяга к подобного рода творчеству.

– А это и не совсем творчество, – заметил на прощание Лихоимцев. – К нам приходят люди с улицы, и мы из них

делаем производителей бульварного чтива. Вот, например, у нас работают бывшие бухгалтеры, инженеры, даже домработницы. И их книги покупаются! Так что подумайте...

Он лукаво улыбнулся и посмотрел на Ларису, как ей показалось, довольно масленым мужским взглядом. Она не нашла в этом ничего удивительного, вежливо попрощалась и покинула кабинет главного редактора «Аквариуса».

Она вышла в узкий коридор и направилась к выходу. Однако дойдя до середины этого коридора, она заметила, что в дальнем конце замаячила долговязая, сутулая фигура человека, который очень странно передвигался. Он шел неуверенно, постоянно мотаясь от одной стены коридора к другой, пытаясь ухватиться за них руками.

Подойдя ближе, Лариса увидела, что это не кто иной, как один из номинантов премии «Золотое перо» Андрей Бельман. Он был одет в достаточно дорогое черное пальто, которое было изрядно заляпано грязью. Поскольку коридор был узким, Лариса не смогла бы пройти мимо него, не вступив с ним в плотный контакт.

Поэтому она остановилась и решила поздороваться:

– Здравствуйте, Андрей. Что с вами случилось?

Бельман удивленно поднял на нее мутноватые глаза и секунду-другую мучительно вспоминал, где же он мог видеть эту женщину.

– Я Лариса Котова, мы с вами встречались на банкете в воскресенье, – пришла она ему на помощь.

– Ах, да, на этом празднике филологического безобразия и словесной нищеты! – витиевато выразился Бельман и улыбнулся. – Кажется, я припоминаю вас. По-моему, еще ваш муж там слегка накуролесил...

– Так что же с вами случилось? – спросила она, показывая на пальто Бельмана и переводя таким образом разговор на другую тему.

– Ничего особенного, просто на улице редкостная слякоть и скользь, – тут же ответил Бельман. – Поэтому нет ничего удивительного в том, что я упал в лужу.

Лариса с трудом удержалась от улыбки.

– Все было бы не так страшно, но, упав в лужу, я разбил бутылку пива, которую хотел распить здесь в качестве избавления от жуткого синдрома алкогольного дефицита, который мучает меня сегодня с самого раннего утра.

На лице Бельмана отразилось искреннее сожаление, даже скорбь по поводу того, что ему пришлось пережить. Лариса решила посочувствовать:

– Вы уж будьте поосторожнее в следующий раз.

– Ох, да вот не получается, как ни стараюсь! Представляете, каждый раз происходят какие-то невероятные истории. Ну, вот, например, вчера. Я же совершенно точно собирался ехать домой, чтобы поработать. Но по дороге встретил этого алкоголика Макушкина. И откуда он только взялся на мою голову? – недоуменно пожал плечами Бельман и продолжил: – Так вот, он, естественно, предложил выпить. Я, конечно,

отказался – я же не алкоголик какой-нибудь! И определенно решил идти домой. И пошел...

– Ну? – заинтересованно спросила Лариса.

– Ну, и очнулся в результате в пять утра в подъезде... Причем совершенно незнакомого дома, – грустно продолжал Бельман. – Пальто испачкано в... – он замялся, – неважно, в общем. Лицо почему-то исцарапано. Я разволновался, конечно. Полез в карман. Денег, естественно, нет. И куда они могли деться? Я понял, что в таком состоянии домой идти невозможно, и отправился к одному приятелю. Занял у него денег на пиво, пошел сюда... В итоге ни денег, ни пива, пальто вон еще больше испачкал. Э-эх! – Бельман сокрушенно покачал головой и полез за сигаретами.

Достав пачку «Петра Первого», он с удивлением констатировал, что она пуста. Тут боль разочарования стала совсем невыносимой, и номинант премии «Золотое перо» разразился тирадой, демонстрирующей богатство и виртуозность его лексикона.

Ларисе же тем временем пришла в голову неплохая идея. Она поняла, что в силу патологической общительности Андрей Бельман может выступить в качестве незаменимого информатора для нее. Тем более что он вращается в литературных кругах и знает практически всех. И его появление в издательстве «Аквариус» свидетельствовало о том, что он с ним сотрудничает и, следовательно, может быть знаком с некоей Мариной Николаевой. Кроме того, слабые стороны

литератора Лариса уже отметила...

– Знаете что... – положив Бельману руку на плечо, проникновенно произнесла она, – я вижу, вы сейчас очень расстроены. Вам нужно поправить свое эмоциональное состояние, поэтому я приглашаю вас в кафе.

– Правда? – Бельман удивленно вскинул брови. – Ой, спасибо, только вот... – он снова замялся, – у меня с финансами, знаете ли, неважно.

– Ну, я же сказала, что приглашаю.

Бельман ради приличия поломался немного, потом решительно взял Ларису под локоток и повел к выходу.

– Вы знаете, – вещал он по дороге, – вы такая тонкая, понимающая женщина, что я даже удивляюсь!

Она шла, улыбалась и старалась по возможности не соприкоснуться с бельмановским пальто.

Они вошли в находящееся неподалеку от издательства кафе «Росинка» и сели за свободный столик. Бельман сразу схватил было меню и углубился в его содержание, но, вовремя спохватившись, покраснел и услужливо протянул его Ларисе.

Та заказала для себя кофе, а для него три бутылки крепкого пива и чипсы.

Андрей с наслаждением припал к стакану, поглощая холодное пиво. Лариса пила кофе и слушала его речи, льющиеся неудержимым потоком, еле-еле успевая фильтровать этот словесный водопад и время от времени пытаясь перевести

разговор в нужное ей русло.

– ...Макушкин вообще-то нормальный парень, – разглагольствовал тем временем Бельман. – Хотя, конечно, свинья редкостная. А пишет нормально. Не так, конечно, как я... – поспешно уточнил он и сделал огромный глоток пива.

– А из женщин-писательниц кого-нибудь вы можете выделить? – будто бы между прочим спросила Лариса, подливая Андрею еще пива.

– Из... женщин? Да как вам сказать... В принципе практически никого, – ответил он и уверенно покачал головой. – Да, точно. Никого.

– А вот я слышала, есть такая Марина Николаева, вроде бы самая крутая писательница в городе. Вы незнакомы с ее произведениями?

– Читал, читал, – пробормотал Бельман. – Ну и что? Обычное бабское чтиво, рассчитанное на Маню в поезде.

– Но ее книги, насколько я знаю, пользуются успехом? – подняла брови Лариса, вспомнив свой разговор с Лихоимцевым.

– Ну и что? – поморщился Бельман. – Мало ли какой отстой нравится читателю ниже среднего уровня! На самом деле настоящих писателей в нашем городе можно пересчитать по пальцам! Буквально человека два-три, не больше! – по выражению его лица можно было совершенно четко определить, что себя-то он точно причисляет к этому минимальному количеству.

– Да я вам больше скажу... – Бельман низко наклонился к Ларисиному лицу, обдавая ее смесью свежего и застаревшего запаха пива, – мне один знающий человек говорил, что равных мне в Тарасове просто не-ту! Меня можно сравнить с ранним Булгаковым, причем еще неизвестно, в чью пользу!

«Эк тебя повело!» – мысленно отметила Лариса и потянулась к меню.

Бельман, жадно блестя глазами, заглянул туда же.

– Зразы с жареной картошкой здесь готовят просто изумительно, – заискивающе заглядывая ей в глаза, как бы между прочим, заметил он.

Лариса улыбнулась и заказала две порции, присовокупив к ним еще пару пива. У Бельмана существенно поднялось настроение, и он совершенно забыл обо всех неприятных инцидентах, свалившихся на него в последние дни.

– А вы лично незнакомы с Николаевой? – спросила Лариса, с некоторым удивлением констатируя, что зразы приготовлены если и не изумительно, то достаточно прилично.

– Знаком! – кивнул головой Андрей, пережевывая мясо. – Как же не быть знакомым – с одним издательством сотрудничаем!

– Насколько я знаю, ее не было на этой тусовке в оперном театре, – заметила Лариса.

– Не-а! – подтвердил Бельман. – Не было. Она вообще довольно замкнутая дамочка. Живет как-то обособленно. Компании не любит. Чувак у нее, правда, ничего, я с ним общал-

ся несколько раз, а вот она... И даже не пойму, чего он в ней нашел! Вон сколько телок клевых ходит. Ой... – он несколько смутился, из-за перехода на развязный тон, – вы меня извините, пожалуйста, – испугавшись, что может лишиться халвной выпивки, прижал он руки к груди. – Я совсем не то хотел сказать.

– Да ладно, чего там! – подмигнула Лариса и плеснула ему еще пива.

– Ну вот, – сразу же успокоился Бельман и посмотрел на нее с уважением. – Я же говорил, что вы очень понимающая женщина. Так вот, на удивление необщительная эта Марина Николаева. Сколько раз мы с Макушкиным приглашали их в компании посидеть! Не хочет. И чего нос воротит? Ладно бы была какая супер, а то ведь ни рожи ни кожи. Одним словом, живет она очень скрытно, общества боится. В издательстве ее раза два только и видели, а я так вообще один раз.

– Как же она контактирует с издательством – по Интернету, что ли?

– Нет, через мужа. Он у нее продвинутый, хипан такой клевый... Дима зовут, погоняло у него Лектор. Так, во всяком случае, он мне представился. Я, правда, его на тусовках не встречал, но, по-моему, он из одиночек. По вудуизму, кажется, загоняется. Сейчас это модно... Вуду пипл, вуду, вуду! – запел он вдруг.

Официантка подозрительно покосилась в их сторону, и Лариса тихонько сжала руку Бельмана.

– Андрей, я правильно вас поняла – в издательство ходит ее муж, этот самый Лектор?

– Да, я встречаюсь с ним постоянно, раз в неделю. Всегда к нему подойду, передам привет жене. Но он неразговорчивый такой... Говорит, хочешь, печенья тебе куплю, только отстань! Чокнутый какой-то! – покрутил он пальцем у виска. – На фига мне его печенье? – Бельман настолько искренне недоумевал, что Лариса невольно прыснула.

– Андрей, а как бы ее найти? Мне было бы любопытно познакомиться с такой оригинальной женщиной.

– Это весьма затруднительно. Они постоянно хаты меняют. И Лектор как-то неохотно реагировал на мои предложения встретиться, посидеть... Вы знаете, я человек очень общительный, мне всегда компания нужна хорошая. Но как-то один раз он сказал мне свой новый адрес. И мы с Макушкиным однажды туда поехали.

Бельман вдруг замолчал, отдавшись процессу поглощения пива.

– И как вас встретили? – заинтересованно спросила Лариса.

– Как, как... Да никак! – в голосе Бельмана послышалось возмущение, граничащее с обидой. – Можно даже сказать, по-хамски.

– Это как же? – удивилась Лариса.

«Неужто с лестницы спустили?» – мелькнуло у нее в голове.

– Да просто дверь не открыли! – возмущению Бельмана не было предела, и он с какой-то надеждой взглянул на Ларису.

Чтобы компенсировать моральный ущерб великому писателю от такого неблагодарного поступка Лектора и Николаевой, Лариса заказала ему водки.

– Ну так вот, – сказал Бельман, стремительно поправляя свое душевное и физическое здоровье, – пришли мы, значит, с Макушкиным как порядочные люди... Типа водки купили там и все такое... А там такое хамство! В такую даль перлись!

– Так, может быть, их просто дома не было? – предположила Лариса.

– Ага, щас! – возразил Бельман. – А свет в окне горел – это как? И запахи всякие доносились, сразу ясно, что жрать готовили! Макушкин хотел даже дверь ломать, чтобы высказать этим хамам все, что мы о них думаем, да я остановил. Ну, и короче, ушли мы.

Бельман, вспомнив об этом досадном эпизоде, снова загрустил.

– А еще, – злорадно припомнил он, – мы к ней по другому адресу приходили, частный дом она тогда снимала, по Пролетарской, маленькая такая улочка, знаете, наверное? Та же история! Только соседка вышла и говорит – они дома, но никого не пускают. Самогон варят, говорит, наверное, на продажу. Злая такая была на них, прямо ужас! В общем, мы поняли, что семейка эта – полный отстой, и завязали с этим делом.

– А что, они снимают квартиру?

– Да, и вот этого я тоже не понимаю. Во-первых, почему-то в районе, который далеко от издательства. Во-вторых, она на свои гонорары уж могла, наверное, хотя бы однокомнатную себе прикупить.

– А Лектор чем занимается?

– Я его спрашивал, он отвечал очень уклончиво. По-моему, просто состоит на ее содержании. В принципе ничего так парень на вид, хипан, конечно, волосы нечесанные, одет небрежно, стандартно. Мог бы найти себе и посимпатичнее, у нас в тусовке девки гораздо лучше есть. Так что мое мнение – оригинальничает он, тоже мне, герой-любовник!

От осознания того, что бывают такие непорядочные люди, Бельман сам почувствовал себя несравненно выше и чище. Он гордо выпрямился и расправил грудь.

– А не могли бы вы описать мне ее мужа поподробнее? – попросила Лариса.

Бельман мог все, что угодно, особенно после ста граммов водки.

– Я бы назвал его стильным, – задумчиво сказал он. – На счет длинных волос я уже говорил, по плечи будут. Кожаная куртка, сразу видно, фирменная. Бородка, усы... Да, совсем забыл – с зубами у него беда.

– Это почему же?

– Носит какой-то пластырь, лечит зубы по-японскому методу. Я ему говорю – сходи к дантисту! Уж женушка-то мо-

жет раскошелиться... Еще золотые коронки у него на клыках, тоже, наверное, по приколу. Бывают же чудики! – Андрей засмеялся.

Вероятно, себя он считал воплощением здорового консерватизма и здравого смысла.

– Зачем же такой продвинутый человек лечит зубы методом, который не оправдывает себя?

– Да откуда я знаю! Прикольно, наверное, просто, и все... Иначе выдернул бы их на фиг! А так рисуется, мол, боль терплю ради моды.

Ларисе показалось все это очень странным.

– А вы знаете настоящую фамилию Николаевой? – спросила она. – Насколько я знаю, это ее литературный псевдоним.

– Не знаю, – покачал головой Бельман. – Да и никогда особенно не интересовался. Мне лишь бы человек был хороший! Так что я и говорю – не умеют бабы писать! – неожиданно заключил Бельман.

– Что же, совсем ни одной талантливой писательницы нет в вашей среде? – подивилась Лариса.

– Да можно сказать, что нет. Владка, правда, пыжится там чего-то... Она больше по стихам загоняется. Они у нее, на мой взгляд, загонные чересчур, но некоторые есть по приколу.

– Влада? – заинтересовалась Лариса.

– Ну да, Альтова. Да вы ее видели наверняка в воскресе-

нье. Такая неформалка, она еще с Васькой Державиным приходила.

– Она поэтесса? – несколько удивилась Лариса. – И что, ее стихи публикуют?

– Да нет! – Бельман пренебрежительно махнул рукой. – Она только корчит из себя Сафо. И всем говорит, что она бисексуалка, – добавил Бельман. – Да она стихи-то свои под наркотой исключительно пишет. И важно так заявляет, что для себя. Мол, это настоящее искусство, и я не хочу, чтобы их публиковали под чужим именем.

– А на что она живет?

– Да хер ее знает, – неожиданно грубо высказался Бельман и, бросив быстрый взгляд на бутылку с водкой, добавил: – Извините, пожалуйста. Так мало того, эта дура еще и в Питер собралась! – радостно сказал он. – Ну, это и понятно – там наркоты море, и вообще, простор для таких, как Владка. Я ее как раз сегодня утром на вокзале встретил, она возле вагона стояла. Ее еще дружок провожал, долговязый рок-музыкант, прыщавый такой, я не знаю его имени. Ну, поболтали о том о сем, я ее на поезд посадил, потом пошел купил пива, а дальше вы знаете сами... Я еще подумал – не к добру я ее встретил, и вот вам, пожалуйста! Пива-то нет! И пальто новое, чистейшее, в луже вымазал! – запричитал Бельман, вновь начав сокрушаться по поводу безвозвратно потерянной бутылки пива.

Лариса в душе пожалела его, но посчитала, что ущерб и

так компенсирован ему достаточно. Она раздумывала, стоит ли говорить Андрею о том, что у Державина убили жену, и решила, что нет. Вряд ли он мог бы сообщить что-нибудь по этому поводу. Вместо этого она решила поинтересоваться другим вопросом:

– А писательница по имени Юля Костикова вам знакома?

– Как, Костикова? – переспросил Бельман. – Да вроде нет, не слыхал о такой.

– Она, кажется, родилась в Дольске.

– Нет, точно не слышал. Хотя их сейчас развелось, как не знаю кого, но я бы непременно узнал. Я же человек общительный... – напомнил он.

К этому времени зразы были съедены, пиво и водка Бельманом благополучно выпиты, и Лариса решила, что пора заканчивать столь приятную встречу.

Бельман, конечно, с удовольствием посидел бы еще и даже не отказался бы еще выпить и закусить, но Ларисе было уже пора.

– Вы, пожалуйста, заходите к нам в издательство, – пытаюсь взять ее под руку и повисая на ней, говорил Бельман, когда они выходили из кафе. – Приятно встретить компанейского человека, тем более такую шикарную женщину! Может быть, мы встретимся с вами как-нибудь у Макушкина? Он, правда, с бабкой живет, но она глуховата и из своей комнаты не выходит почти...

Ларису, однако, такая перспектива абсолютно не пре-

льщала, но чтобы не обижать хорошего человека, она ответила неопределенно. Она благосклонно записала телефон Бельмана, который тот пробурчал ей нетвердым языком, остановила машину, затолкала туда писателя и, пожелав ему счастливого пути, посчитала свою миссию законченной.

Глава 6

Вернувшись домой, Лариса первым делом позвонила капитану Карташову.

– Добрый день, – поприветствовала она его.

Он в ответ пробурчал что-то нечленораздельное, из чего Лариса заключила, что зубная боль продолжает терзать бравого капитана и он совсем не рад ее звонку.

– Я звоню вам по делу, у меня к вам просьба, – начала она с места в карьер. – Выясните, пожалуйста, все данные на некоего Чернышова Дмитрия Анатольевича, примерно двадцати семи лет от роду. Я думаю, что это поможет пролить свет на дело Татьяны Державиной.

– Хм... Лариса Викторовна, а вы можете выразаться яснее? – раздраженно проговорил капитан. – Объясните, за каким чертом я должен копать в данных какого-то Чернышова?

– Я пока не стану ничего объяснять, – ответила Лариса. – Хочу только заверить вас, что это важно. По-моему, я вас еще ни разу не подводила.

В ответ ей прозвучало какое-то мычание, означающее согласие и одновременно выражение страданий от зубной боли.

– Ладно, выясню, – помолчав, сказал Карташов и с сарказмом поинтересовался: – Больше указаний нет?

– Пока нет. Хотя... Вы наверняка уже проверили некую Юлию Костикову? Ну, ту самую, о которой говорил Державин как о сумасшедшей.

– Проверили, но дело в том, что она прописана по старому адресу в Дольске, а там не проживает. Где она, никто не знает. Даже ее мать.

– Понятно... Ну что ж, если у меня появятся какие-нибудь соображения, я позвоню вам.

– Конечно, звоните, – ответил Карташов и повесил трубку. Закончив разговор с капитаном, Лариса прошла в кухню. Есть ей совершенно не хотелось, но почему-то мучила жажда.

Достав из холодильника апельсиновый сок, она налила себе полный стакан, не спеша выпила его и задумалась над тем, что делать дальше. Ее очень интересовала фигура Юлии Костиковой, и она подумала, что съездить в Дольск, несмотря на то что, по словам Карташова, они уже проверили ее мать, будет нелишне.

Времени было два часа дня, так что она вполне могла успеть сегодня в Дольск. Тем более что Евгений так и не появился.

«Поеду, – решила Лариса. – Нечего зря время терять!»

Она прошла в свою комнату и положила в сумку несколько мелких вещей, которые могли пригодиться ей в дороге. Выходя, она столкнулась с Настей. Та была в наушниках и казалась совершенно поглощенной музыкой. Матери она лишь

кивнула и прошла дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.